СИБИРСКІЙ АРХИВЪ

Журналъ исторіи, археологіи, географіи и этнографіи Сибири, Средней Азіи и Дальняго Востока.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 5-й.

№ 5.

Май 1916 года.

МИНУСИНСКЪ
Электро-типографія Е. Л. Метелкиной
1916.

Матеріалы для исторіи золотопромышленности въ Сибири.

Съ 30-хъ годовъ въ Сибири начала развиваться золотопромышленность, давшая могучій толчокъ экономическому развитію окраины. Большіе капиталы влагались въ эту отрасль производства, для сельскаго хозяйства открылись новые рынки сбыта въ лицѣ пріисковыхъ рабочихъ. Патріархальный укладъ сибирской жизни явственно разлагался подъ воздѣйствіе денежнаго хозяйства. Здѣсь мы намѣрены коснуться небольшого эпизода изъ исторіи золотопромышленности въ Сибири.

До 1840 г. съ добываемаго золота взималось по 15% въ пользу казны. Указомъ 18 декабря этого года подать была увеличена до 20 и 24%, а затѣмъ для нѣкоторыхъ вновь открываемыхъ пріисковъ до 30%, безъ различія ихъ богатства. Сверхъ того съ каждаго фунта золота взималось сообразно съ количествомъ добытаго на пріискахъ металла отъ 4-хъ до 8 р. на содержаніе полицейской стражи при промыслахъ и на покрытіе другихъ расходовъ по управленію. Но при подобной системѣ обложенія не принималось въ разсчетъ большое различіе въ содержаніи золота на розсыпяхъ и представляемыхъ ими вслѣдствіе этого выгодахъ, поэтому власть въ скоромъ времени перешла къ иной формѣ податного обложенія. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 14 апрѣля 1849 г. всѣ пріиски, расположенные на казенныхъ земляхъ, были раздѣлены на 10 разрядовъ, и подать съ нихъ опредѣлена въ процентахъ съ количества добываемаго въ теченіи года чистаго золота, причемъ процентъ этотъ колебался отъ 10 до 35 [1]).

1) Гагемейстеръ. Статистическое обозрѣніе Сибири, часть II. С.П.Б. 1854.434 сл. За 1848–1852 г.г. поступило въ казну дохода съ золотыхъ промысловъ въ годъ 221 пуд. 13 ф. 62 зол. 90 дол., что составляетъ болѣе 2½ средней годовой выручки. Ів.

Новая подать, естественно, благопріятствовала развитію мелкихъ золотыхъ промысловъ, на болѣе крупныя предпріятія она ложилась тяжелѣе, чѣмъ раньше.

Приведемъ нѣкоторые документы по этому вопросу изъ дѣлъ Минусинскаго словеснаго суда. Дополнительное обложеніе золотопромышленности должно было доставить суммы, необходимыя для покрытія непомѣрно возросшихъ съ началомъ разработки золотыхъ промысловъ расходовъ на земскія повинности.

Записка министерства финансовъ отъ 17 августа 1849 года о пособіи земству въ Восточной Сибири.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ экономіи и въ общемъ собраніи разсмотрѣвъ представленіе министра финансовъ о смѣтѣ земскихъ повинностей Восточной Сибири на трехлѣтіе съ 1849 г., нашелъ: а) что земскія повинности Восточной Сибири на наступившее трехлѣтіе возросли до чрезмѣрнаго размѣра: сумма земскихъ расходовъ превышаетъ таковую на трехлѣтіе 1842 г. слишкомъ на 1.275.000 руб. сер., т. е. почти вдвое, а отсюда и оклады плательщиковъ возвысились, смотря по разрядамъ ихъ, отъ 27 до 61¼ к. и отъ 1 р. 4 к. до 2 р. 45 к. сер.; слѣдовательно, такъ же больше, нежели вдвое; б) что главнѣйшую статью такого возвышенія составляетъ собственно почтовая, земская и этапная подводная повинность, которой увеличеніе, по объясненію главнаго мѣстнаго начальства, происходитъ сколько отъ умноженія числа лошадей (до 100 паръ), столько же отъ учащенія хода почтъ, усиленія разгона и отъ возвышенія цѣнъ на продукты,—причинъ, проистекающихъ преимущественно отъ существованія въ семъ краѣ золотого промысла; в) что, по удостовѣренію генералъ-губернатора, упомянутые столь высокіе оклады, несмотря на всѣ выгоды, доставляемые обывателямъ отъ означеннаго промысла и Кяхтинской торговли, едва ли будутъ выносимы, а при малѣйшемъ измѣненіи мѣстныхъ обстоятельствъ къ худшему, сдѣлаются рѣшительно невозможными ко взысканію и поведутъ къ накопленію огромныхъ недоимокъ. Такое затруднительное положеніе края не можетъ не обращать на себя вниманія и нельзя, конечно, не уважить главнаго мѣстнаго начальника, столь положительно свидѣтельствующаго о тягости земскихъ повинностей для обывателей. Но какъ въ настоящемъ случаѣ не представляется въ виду никакого къ облегченію сей тягости средства, которое можно было бы теперь указать къ исполненію, а съ другой стороны, всякое замедле-

ніе въ утвержденіи смѣты, которой дѣйствіе должно быть начато еще съ перваго января сего года, могло бы произвесть вящія затрудненія и самую остановку въ удовлетвореніи обнимаемыхъ смѣтою расходовъ, то Государств. Совѣтъ мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 21 минувшаго іюня, положилъ: предоставить министру финансовъ смѣту сію привести въ исполненіе установленнымъ порядкомъ, а между тѣмъ сообразить: нельзя ли достигнуть возможнаго облегченія земства, если не отдѣленіемъ нѣкоторой части изъ получаемаго казною отъ золотопромышленности дохода, долженствующаго съ введеніемъ новыхъ о сей промышленности правилъ увеличиться, то по крайней мѣрѣ, усиленіемъ пособія на счетъ добавочной съ той промышленности подати, съ обращеніемъ прочихъ издержекъ, буде оныя изъ сей подати на что либо производятся, на иные источники, такъ какъ отягощеніе обывателей происходитъ исключительно отъ существованія тамъ золотого промысла, либо, наконецъ, изысканіемъ какихъ либо иныхъ способовъ, и о заключеніи своемъ по сему предмету представить Государственному Совѣту такъ благовременно, чтобы въ случаѣ возможности облегченія тѣмъ или инымъ средствомъ можно было уменьшить земскіе оклады въ остальныхъ двухъ годахъ трехлѣтія.“ Министръ финансовъ указалъ, что земскіе расходы за послѣдніе годы покрывались изъ дополнительной подати съ золотопромышленности. «Мѣстное начальство Восточной Сибири, представляя смѣту на трехлѣтіе съ 1849 г., изъясняло, какъ сіе изложено было и въ представленіи Государств. Совѣту, что многіе изъ золотопромышленчиковъ, употребивъ въ продолженіе 8 лѣтъ значительные капиталы на поиски золота, иные вовсе не открыли его, а другіе, хотя открыли, но по самому содержанію металла производить разработку признали для себя невыгоднымъ, и обратились въ прежнія мѣста своего жительства [1]), и только нѣкоторые, по

1) Дѣйствительно, многія изъ золотопромышленныхъ предпріятій оказались, дутыми и лопнули вскорѣ послѣ своего основанія. «Весьма многіе золотопромышленники,—пишетъ Гагемейстеръ,—не только не получаютъ никакихъ барышей отъ предпріятій своихъ, но и совершенно раззоряются неудачными поисками. Доказательствомъ первому служитъ большое число ежегодно оставляемыхъ пріисковъ, равняющееся $\frac{1}{3}$ части всѣхъ разрабатываемыхъ площадей; но несмотря на то, что золотая горячка нынѣ прошла и золотой промыселъ вступилъ въ разрядъ обыкновенныхъ промышленныхъ предпріятій, число вновь объявляемыхъ пріисковъ не уменьшается... Въ Сибири же деньги подъ вѣрные залоги приносятъ не менѣе $12\frac{0}{0}$, а какъ никто не рѣшится на вѣрное предпріятіе, сопряженное съ огромными расходами и трудами, безъ основательной надежды на соразмѣрное вознагражденіе, то должно полагать, что золотой промыселъ, несмотря на убогость нынѣ разработываемыхъ песковъ и на тягость лежащихъ на немъ повинностей, все еще обогощаетъ многихъ». II, 426–427.

счастливому началу своихъ дѣлъ, пользуются теперь источниками богатства; но сіи послѣдніе, по малому ихъ числу и по ограниченію первыхъ рисковыхъ расходовъ, ведутъ дѣла свои уже аккуратнѣе и разсчетливѣе, а потому и не доставляютъ прежнихъ выгодъ. Въ 1848 г. добыча золота, по сравненіи съ предшествующимъ годомъ, уменьшилась на 75 пуд. по причинѣ выработки болѣе богатыхъ пріисковъ».

Изъ представленной министру финансовъ генералъ-губернаторомъ *смѣты раскладки земскихъ повинностей Восточной Сибири на трехлѣтіе съ 1849 года.*

„По смѣтѣ на трехлѣтіе съ 1842 г. назначено было по Енисейской губ. 219 паръ почтовыхъ лошадей, 81 пара для земскихъ сообщеній и 26 паръ при этапныхъ командахъ, за содержаніе которыхъ полагалось примѣрно: за почтовыхъ 48.764 р. 73 к., земскихъ—18.036 р. 27 к. и этапныхъ 5789 р. 42 к. и на платежъ прогоновъ за провозъ арестантскаго скарба по Минусинскому тракту 571 р. $42^{6}/_{7}$ к. Но по состоявшимся на торгахъ цѣнамъ онѣ значительно возвысились—на 9265 р. $66^{1}/_{4}$ к. За 1847 г. расходы на подводную гоньбу по Енисейской губерніи исчислялись за 1848 г.: на почтовыхъ до 197010 р. $74^{1}/_{4}$ к., на земскихъ съ пособіемъ жителямъ до 40094 р. $97^{1}/_{4}$ к. и на этапныхъ съ платежемъ прогоновъ до 8833 р. $44^{1}/_{4}$ к. сер. въ годъ“.

Обозначенное въ дополнительныхъ смѣтахъ возвышеніе цѣнъ на подводную гоньбу произошло, какъ видно изъ объясненій мѣстнаго начальства, отъ неурожая въ 1845 и 1847 гг. хлѣбовъ, а вслѣдствіе сего возвышеніе цѣнъ на всѣ потребности и работы, отъ увеличивавшагося вообще годъ отъ года разгона почтовыхъ лошадей и прибавки оныхъ (въ 1845 г. 31 пары и въ 1846 г. 28 паръ), главнѣйшіе же отъ золотопромышленности, распространеніе которой произвело дороговизну на всѣ припасы и на наемъ рабочихъ людей.

Въ приложенномъ къ смѣтѣ журналѣ Совѣта Глав. Управленія Вост. Сибири, состоявшемся 8 ноября 1848 г., объяснено между прочимъ: а) „Совѣтъ Главнаго Управленія, обращаясь къ исполненію Высочайше утвержденнаго 14 мая 1845 г., по мнѣнію Госуд. Совѣта, заключенія министра финансовъ въ отношеніи выраженной въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Вост. Сибири мысли о преимущественномъ состояніи обывателей Енисейской губерніи передъ Иркутскими и Якутской области и о возможности ихъ относить повинности въ большемъ размѣ-

рѣ, обязанностью считаетъ изложить нынѣ слѣдующее: со времени открытія въ Енисейской губерніи золотыхъ промысловъ, и именно съ 1839 г., всѣ обыватели тамошніе свободнаго состоянія встрѣтили много источниковъ къ неожиданному обогащенію или по сбыту своихъ произведеній, или посредствомъ услугъ, работъ и прочимъ статьямъ промышленности и дѣятельности: ибо для открытія золотыхъ промысловъ въ помянутой губерніи явились почти со всѣхъ концовъ Имперіи люди съ огромными капиталами; каждый изъ нихъ, сооружая поисковыя партіи и перегоняя одинъ другого, спѣшили пріобрѣтать рабочихъ, лошадей, припасы и прочее необходимое изъ рукъ обывателей, по какимъ бы то ни было цѣнамъ, отсюда деньги къ мѣстнымъ обывателямъ разливались. Далѣе, по счастливымъ открытіямъ золотыхъ промысловъ, разливъ этотъ еще болѣе увеличивался отъ роскоши и щедрой жизни какъ самихъ хозяевъ, прикащиковъ ихъ, такъ и самыхъ рабочихъ, а между тѣмъ и распространявшіеся болѣе и болѣе розыски и работы сами собою возвышали и требовали и цѣнность на все, что только губернія не производила, и за все это — какъ за услуги, работы, помѣщенія, провозы платилось противъ прежняго вдесятеро. Въ такомъ положеніи Енисейская губернія находилась въ первые годы по открытіи въ ней золотопромышленности, и въ это то время Совѣтъ Главнаго Управленія, соображая при составленіи дополнительной смѣты земскихъ повинностей 1845 г., счастливыя обстоятельства означенной губерніи съ Иркутскими и Якутской области, приведенъ былъ къ той мысли, чтобы послѣднюю губернію, равно и Якутскую область въ отнесеніи земскихъ повинностей облегчить или установленіемъ изъ обывателей Енисейской губерній высшаго разряда плательщиковъ, или отдѣленіемъ оной губерніи отъ Иркутской и Якутской области по платежу земскихъ повинностей такъ, чтобы оная губернія всѣ тѣ статьи расходовъ, какія въ ней требуются, исполняла ихъ собственными средствами, безъ пособія отъ Иркутской губерніи, какъ это въ настоящее время доводится, по превосходству народонаселенія въ Иркутской губерніи. Но означенное предположеніе съ 1847 г. начало ослабѣвать въ основаніяхъ своихъ, по очевидному измѣненію вышеописанныхъ обстоятельствъ Енисейской губерніи". Но затѣмъ преимущества Енисейской губерніи ослабѣли. А Енисейская губернія больше прочихъ участвуетъ въ земскихъ сборахъ. „По представляемой нынѣ раскладкѣ изъ обывателей Енисейской губерніи отнесено ко 2-му разряду $^3/_4$, къ 3-му $^1/_5$, къ 4-му только $^1/_{20}$ и къ 5-му самое малое число бѣднѣйшихъ жителей; между тѣмъ, въ раз-

дѣленіи на разряды обывателей Иркутской губерніи идетъ обратный порядокъ: здѣсь, за исключеніемъ Якутской области, которая почти вся отнесена къ низшимъ разрядамъ, причислена ко 2 разряду, 3/5 къ 3-му и къ 4-му только 1/12, а къ 5-му почти 1/4 всѣхъ обывателей. Енисейская губернія, въ отношеніи къ населенію, должна заплатить четвертью болѣе Иркутской; такимъ образомъ выгоды и тягости обѣихъ губерній уравновѣшиваются, а потому и нѣтъ уже никакой необходимости въ выполненіи предполагавшагося раздѣленія ихъ по платежу земскихъ повинностей; здѣсь также нельзя не принять въ соображеніе и того, что если часть поступающаго съ обывателей Иркутской губерніи земскаго сбора обращается на расходы Енисейской губерніи, то не далѣе, какъ за десять лѣтъ предъ симъ, Иркутская губернія пользовалась отъ Енисейской такимъ же пособіемъ.

Губернскіе Совѣты, по значительности раходовъ и происходящей отъ этого обременительности раскладки, ходатайствуютъ объ оказаніи земскому сбору пособія. Совѣтъ Главнаго Управленія—сколько по этому ходатайству, столько же и по извѣстности самому ему того необыкновеннаго въ Восточной Сибири возвышенія окладовъ земскаго сбора съ податныхъ людей еще до измѣненія обстоятельствъ, или до открытія золотопромышленности, тѣмъ болѣе по открытіи и распространеніи оной промышленности, и съ какимъ обремененіемъ относятся земскіе сборы въ послѣднее время, такъ что если не принять противъ этого нынѣ же какихъ либо средствъ, къ облегченію плательщиковъ означенной повинности, то нельзя не опасаться за будущее, когда поселяне и инородцы придутъ въ совершенное несостояніе платить съ исправностью не только земскія повинности, но даже и самыя государственныя подати,—счелъ необходимымъ обратиться къ сравненію смѣтныхъ суммъ расходовъ земства за 4 послѣднія трехлѣтія, т. е. за то время, въ теченіи котораго возникли и распространились золотые промыслы, главная причина мѣстныхъ обстоятельствъ Вост. Сибири. Это сравненіе показало, что на трехлѣтіе 1836-1839 г., когда нельзя еще было предвидѣть то огромное вліяніе на положеніе края, которое едва возникшая золотопромышленность пріобрѣла впослѣдствіи, смѣтная сумма на отправленіе подводной гоньбы составляла 267. 866 р. 83 1/4 к., а общая сумма замскихъ расходовъ 311. 008 р. 39 3/7 к. сер. въ годъ Съ того времени смѣтные расходы земства быстро возвышались, а именно:

Въ одинъ годъ.	Плата за подв. гоньбу.	Общая сумма расходовъ.
Въ 1839—1842	304.205 р. 88 1/2 к.	346.130 р. 44 к.
„ 1842—1845	319.849 р. 75 к.	384.957 р. 77 к.
1845	428.625 р. 81 1/4 к.	500.411 р. 24 1/2 к.
1846	547.602 р. 96 1/4 к.	698.778 р. 37 1/2 к.
1847	582.375 р. 16 1/2 к.	696.664 р. 15 1/4 к.
1848	707.305 р. 79 1/4 к.	780.525 р. 36 3/4 к.
Съ 1848 по 1852	706.321 р. 61 к.	809.302 р. 72 3/4 к.

Слѣдовательно, смѣтная сумма расходовъ трехлѣтія съ 1849 г. на подводную гоньбу превышаетъ смѣту 1836-1839 гг. почти втрое, а общая сумма расходовъ въ 2½ раза.

На покрытіе этихъ расходовъ обыватели Вост. Сибири подвергались сбору въ одинъ годъ:

Съ 1836 по 1839 г. отъ 13½ к. до — р. 86¾ к.
1839 „ 1842 г. „ 24½ к. „ — р. 97½ к.
1842 „ 1845 г. „ 27 к. „ 1 р. 04 к.

Въ 1845 г. по Иркутской и Енисейской губерніямъ отъ 40 к. до 1 р. 16 к. и по Якутской области отъ 50 к. до 1 р. 29 к. Въ 1846 и 1847 гг. по Иркутской губерніи отъ 50 к. до 2 р. 4½ к. Въ 1846 и 1847 гг. по Енисейской губерніи отъ 52¾ к. до 2 р. 14¾ к. Въ 1848 г. по Иркутской губерніи отъ 57 к. до 2 р. 32½ к., по Енисейской губерніи отъ 59¾ к. до 2 р. 42¾ к., въ трехлѣтіе съ 1849 по 1852 г. назначается въ одинъ годъ отъ 61¾ к. до 2 р. 45 к.

При семъ Совѣтъ Главнаго Управленія присовокупляетъ, что при возвышеніи сборовъ постепенно увеличивалось число обывателей, относимыхъ по платежу повинностей къ высшему разряду; на трехлѣтіе 1836—1839 назначалось во 2 или высшій разрядъ 153.285 душъ, а по представляемой нынѣ раскладкѣ на 3-лѣтіе 1849—1852 г. считается уже въ этомъ разрядѣ 192. 822, болѣе 39.537 душъ....

Вообще съ 1839 по 1849 гг. по раскладкѣ существовавшей на трехлѣтіе 1836—1839 г.г. съ обывателей Восточной Сибири, при обыкновенномъ положеніи ея, пришлось бы къ сбору 2.466. 298 р. 77½ к. Вмѣсто этого, поступило съ нихъ за всѣми замѣнами доходовъ отъ почтовой гоньбы и пособія отъ пошлиннаго сбора съ золотопромышленности 3.915.067 руб. 14¼ к., болѣе на 1.448.768 р. 36¾ к. Если же на трехлѣтіе 1849—1852 г. утвердится сборъ по представляемой нынѣ раскладкѣ, то Вост. Сибирь въ теченіе тринадцати лѣтъ переплатитъ противъ окладовъ 1836—1839 гг. 2. 744. 883 р. 57¼ к.

Оклады, платившіеся въ трехлѣтіе 1836—1839 гг. считались уже не маловажными, ибо для предупрежденія возвышенія ихъ тогда назначалось довольно значительное пособіе Вост. Сибири изъ вспомогательнаго земскаго сбора, платившіеся же въ 1842—1845 г. признаны весьма обременительными и дальнѣйшее возвышеніе ихъ Госуд. Совѣтъ находилъ неудобнымъ. „Изъ одного этого очевидно, что назначаемые нынѣ оклады, втрое высшіе противъ 1836—1839 гг. и слишкомъ вдвое противъ 1842—1845 гг. въ совокупности съ прочими сборами, которымъ подвергаются обыватели Вост. Сибири и при тягостныхъ натуральныхъ повинностяхъ, будутъ едва выносимы для нихъ

даже нынѣ, когда золотые промыслы и Кяхтинская торговля доставляютъ большей части обывателей важные способы къ пріобрѣтеніямъ, и что, при малѣйшемъ измѣненіи мѣстныхъ обстоятельствъ къ худшему, эти оклады сдѣлаются рѣшительно невозможными для взысканія и послужатъ только къ накопленію на обывателяхъ огромныхъ недоимокъ и упадку частей, на счетъ земскихъ повинностей содержимыхъ.

Производимое въ Вост. Сибири пособіе изъ вспомогательнаго капитала до 1842 г. составляло 37. 140 руб. сер. Съ 1842 г. оно увеличено назначеніемъ изъ дополнительной подати съ золотопромышленности 53. 181 руб. 93 к., а въ 1845 г. вся эта сумма 90.301 р. 93 к. отнесена на счетъ дополнительной подати и принята размѣромъ для пособія Вост. Сибири на будущее время. Такимъ образомъ Вост. Сибири производится до нынѣ тоже самое пособіе, какое было въ 1842 г., тогда какъ сумма расходовъ земства увеличилась съ того времени болѣе, нежели вдвое.

Между тѣмъ, Вост. Сибирь встрѣчаетъ необходимость во внѣшнемъ пособіи не только по количеству взимаемаго нынѣ въ ней сбора, но и по самому роду отправляемыхъ ею денежныхъ повинностей. Въ числѣ ихъ главнѣйшее мѣсто занимаетъ почтовая гоньба, но производимыя посредствомъ ея сношенія, преимущественно торговыя и золотопромышленныя, гораздо болѣе приносятъ пользы и необходимы для внутреннихъ губерній, населенныхъ и промышленныхъ, нежели Вост. Сибири, которая въ этомъ случаѣ остается только проводникомъ капиталовъ; содержаніе этаповъ и этапная гоньба (тоже составляющія значительную статью земскихъ повинностей) также служатъ не для выполненія мѣстныхъ надобностей, которыя преимущественно должны быть предметомъ земской повинности, а для общей государственной цѣли. На пособіе же отъ доходовъ, доставляемыхъ золотопромышленностью, Вост. Сибирь имѣетъ особенное право какъ потому, что современное увеличеніе расходовъ земства было прямымъ слѣдствіемъ золотопромышленности, такъ и потому, что именно Вост. Сибирь доставляетъ государству наибольшую отъ золотыхъ пріисковъ пользу". Поэтому Глав. Управленіе Восточ. Сибири проситъ оставить оклады сборовъ на 1849—1852 гг. тѣ же, что было въ 1842—1845 гг., а недостающее по раскладкѣ обратить на дополнительную подать съ золотопромышленности.

10 октября 1849 г. Государь утвердилъ мнѣніе Госуд. Совѣта о приведеніи въ дѣйствіе указаннаго выше предположенія министра финансовъ.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта 10 сентября 1849 г.

„Государственный Совѣтъ, въ департаментѣ экономіи разсмотрѣвъ представленіе министра финансовъ о предназначаемомъ имъ земству въ Вост. Сибири воспособленіи, хотя не убѣдился въ достаточности сего воспослѣдованія, при столь чрезвычайномъ обремененіи податныхъ сословій того края земскимъ сборомъ, но какъ, съ другой стороны, онъ не можетъ и не согласиться съ министромъ, что въ настоящемъ положеніи Государств. Казначейства никакое на счетъ онаго пособіе дѣйствительно невозможно, другихъ же источниковъ не имѣется,—то призналъ необходимымъ ограничиться на сей разъ предлагаемою министромъ мѣрою.

Вслѣдствіе сего Госуд. Совѣтъ мнѣніемъ положилъ: предоставить ему предположеніе его по настоящему дѣлу привести въ дѣйствіе установленнымъ порядкомъ, съ тѣмъ, чтобы, согласно отзыву его, всѣ могущіе вновь открыться остатки отъ дополнительной съ золотопромышленности подати обращаемы были въ предстоящіе два года на воспособленіе земству Вост. Сибири, съ соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ окладовъ земскаго сбора съ мѣстныхъ обывателей".

29 октября 1849 Сенатъ препроводилъ списки съ представленія министра финансовъ и Высочайше утвержденнаго мнѣнія Госуд. Совѣта въ Иркутское и Енисейское губернскія правленія, Иркутскому и Енисейскому губернаторамъ и генералъ-губернатору Вост. Сибири.

Высочайше утвержденнымъ 9 октября 1846 г. мнѣніемъ Государств. Совѣта, послѣдовавшимъ по дополнительной смѣтѣ Вост. Сибири на 1846 г., предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ о необыкновенномъ возвышеніи цѣнъ на подводную гоньбу въ Енисейской губерніи сдѣлать ближайшія соображенія съ тѣмъ, не признано ли будетъ по содержанію въ сказанной губерніи станцій принять какія либо особыя мѣры, а именно: пріискать особыхъ контрагентовъ, или же ввести особое управленіе станціями. Вслѣдствіе сего бывшій ген.-губернаторъ Вост. Сибири увѣдомлялъ министра внутреннихъ дѣлъ, что содержаніе въ Енисейской губерніи одной пары лошадей, со всѣми расходами по существовавшимъ тогда самымъ умѣреннымъ цѣнамъ, обходилось въ 1095 р. сер., хотя въ разсчетѣ семъ 4 лошади приняты за пару, но назначеніе это по объясненію состоящаго въ должности Енисейскаго гражд. губернатора необходимо потому, что тамъ какъ подъ почту, такъ и для проѣзжающихъ запрягается вмѣсто пары по 3 лошади: сверхъ того, весьма большой разгонъ лошадей, несо-

размѣрно съ числомъ паръ, назначенныхъ по расписанію, заставляетъ содержателей имѣть на станціяхъ двойное число лошадей, ибо, согласно кондиціямъ, лошади должны быть отпускаемы подъ почты и для проѣзжающихъ почти 3 раза въ сутки, что составитъ не менѣе 170 верстъ; по опыту же извѣстно, что лошадь не въ состояніи сдѣлать и двухъ оборотовъ. Хотя же отпускъ лошадей по три раза въ сутки случается рѣдко, однако жъ содержатели Красноярской станціи на 8 паръ почтовыхъ лошадей имѣли запасныхъ 52 лошади и при всемъ томъ, отъ частаго разъѣзда, у нихъ въ продолженіи года пало 20 лошадей и оказалось негодными 37 лошадей, которыхъ подрядчики перемѣнили другими. Подобныя потери въ лошадяхъ предъявлены начальнику губерніи и по прочимъ станціямъ.

В. Ватинъ.

Опечатки въ № 3—4 „Сибирскаго Архива“.

Въ статью М. Азадовскаго „Пѣснь о переселеніи на Амуръ“ вкрался рядъ опечатокъ.

Стр.	Напечатано.	Должно быть.
160 „ 10 св.	выпавшую на ихъ долю колонизаціи	выпавшую на ихъ долю задачу колонизаціи
160 „ 5 сн.	И несомнѣнно	И они несомнѣнно
164 „ 17 св.	Въ Забайкальскомъ во краю	Въ Забайкальскимъ во краю
164 „ 5 сн.	(см. стр. 167)	(см. стр. 167, прим. 4)
164 „ 8 сн.	явился, по существу, экспедиціей	явился, по существу, военной экспедиціей.
167 „ 14 св.	Въ Айгунѣ-городъ приплывали	Въ Айгунъ-городъ приплывали
167 „ 6 сн.	Озеро Кази	Озеро Кизи
168 „ 15 св.	Мириканца дожидали	Мириканцы выгружали
168 „ 19 св.	Назначеніе его,	На значеніе его,
168 „ 10 сн.	доставлялась портомъ	доставлялась портамъ
169 „ 15 св.	ружья хватали	ружья схватили
170 „ 12 св.	учебныхъ заведеніяхъ	учебныхъ поѣздкахъ
171 „ 20 св.	Благословляю васъ,	Блословляю васъ,
171 „ 9 сн.	отпясывающимъ	отплясывающимъ

Редакція.

Н. Е. Олейниковъ.

Къ исторіи распространенія христіанства въ Якутской области.

(*Дѣятельность миссіонеровъ Слѣпцовыхъ*).

Въ настоящее время очень мало и рѣдко встрѣчается документальныхъ данныхъ, освѣщающихъ и дополняющихъ зарегистрированныя печатью историческія свѣдѣнія о распространеніи христіанства среди якутовъ, тунгусовъ и чукчей Якутской области и сѣверо-западной части Чукотскаго полуострова. Въ Якутскѣ такихъ документовъ почти не сохранилось. Все, что имѣлось здѣсь по данному вопросу въ архивахъ духовнаго вѣдомства, въ 1815 году уничтожено пожаромъ.

Только позднѣйшая исторія развитія христіанства въ сѣверо-восточной Сибири можетъ быть освѣщена архивными данными. Надо пожелать, чтобы это случилось какъ можно раньше, а то опять возможны пожары—эти страшные бичи исторической науки. Много, много интереснаго въ бытовомъ отношеніи представляетъ дѣятельность и о.о. миссіонеровъ, и о.о настырей и монашествующей братіи. Тутъ можно встрѣтить и подвиги, и шарлатанство, и обирательство, и пьяный разгулъ, и надругательство надъ святыней... Вотъ одинъ примѣръ изъ массы отрицательныхъ явленій, связанныхъ съ распространеніемъ христіанства въ Колымскомъ округѣ до Чаунской губы Чукотскаго полуострова. Это миссіонеръ іеромонахъ Слѣпцовъ съ сыномъ священникомъ Григоріемъ. На фонѣ миссіонерской дѣятельности ихъ виолнѣ можно назвать „нашего поля ягодками“. Мнѣ случайно удалось раздобыться документами объ ихъ проповѣднической работѣ.

Какъ распространялъ Слѣпцовъ христіанство среди инородцевъ—шаманистовъ, подробныхъ данныхъ пока нѣтъ, но

можно сказать, что самыми сильными способами и пріемами распространенія христіанства были въ рукахъ Слѣпцова различныя подношенія и подарки. Объ этомъ ясно говорятъ сохранившіеся документы; такъ, напримѣръ, по реестру вещамъ, которыя въ сентябрѣ 1815 г. были отправлены духовной властью къ помощнику проповѣдника—сыну Слѣпцова, священнику Григорію, въ Островную крѣпость для подарковъ, перечисляются слѣдующіе предметы:

табаку 100 пудовъ, лучшаго черкасскаго 40 пудовъ; котловъ желѣзныхъ 9 и 10-ти фунтовыхъ 40, ножей 3-четвертныхъ 100 штукъ, топоровъ клинчатыхъ 40 шт., колокольчиковъ 60, иголъ разнаго сорта 100 бумажекъ, корольковъ крупныхъ простыхъ 200, трубокъ курительныхъ китайскихъ 200, тазовъ мѣдныхъ разнаго вѣсу 200 шт., тростей мѣдныхъ 140, зарукавниковъ желѣзныхъ 140 шт., скребелокъ желѣзныхъ для мятья 200 шт., наглазниковъ изъ бѣлаго желѣза 200, мѣдныхъ перстней всякаго сорта 200 шт., наигольниковъ разныхъ 60 шт., ножницъ 200, наперстковъ для женщинъ желѣзныхъ 1000 шт., пилъ 200, табакерокъ мѣдныхъ 120 и ложекъ желѣзныхъ 100 штукъ.

Изъ этого списка видно, что подарки играли самую главную роль у миссіонера. Онъ везъ съ собою все, необходимое въ хозяйствѣ инородца: котелъ, топоръ, скребелки и т. д. и въ тоже время запасался въ большомъ количествѣ и предметами роскоши, какъ: корольки, нарукавники и т. п. Такое богатое снаряженіе очень часто соблазняло даже самого миссіонера съ помощникомъ, и они, какъ говорятъ о томъ документы, не забывали одаривать и себя. Часть всего снаряженія отъ духовнаго вѣдомства о. миссіонеръ просто не увозилъ въ свой миссіонерскій постъ, а часть, вмѣсто подарковъ, пускалъ въ продажу—въ обмѣнъ на промыслы инородца.

Документъ по этому поводу говоритъ просто-откровенно. «Изъ числа заготовленныхъ здѣсь, въ Иркутскѣ и въ Якутскѣ, вещей для Якутской духовной миссіи на обдариванье якутовъ и чукчей отправлено было, по распоряженію іеромонаха Слѣпцова, въ 1815 г. изъ Якутска въ Средне-Колымскъ къ сыну Григорію Слѣпцову на 30 лошадяхъ подрядныхъ и послѣ, еще по особенному настоянію его, на 2 обывательскихъ за платежъ указаныхъ прогоновъ,—первые за препровожденіемъ отставного казака Никулина. Священникъ Слѣпцовъ, оскорбленный симъ. (далѣе не разборчиво)..... оставивъ всякую благопристойность, рѣшилъ, наконецъ, разложить въ квартирѣ своей для обзора чукчей и привлеченія ихъ

на мѣну разныя блестящія и другія любимыя ими вещи и нѣсколько сумъ табаку».

Соблазняя чукчей блестящими вещицами, проповѣдникъ сынъ—Слѣпцовъ такъ увлекался этимъ не во всѣхъ отношеніяхъ благочестивымъ занятіемъ, что совершенно не исполнялъ прямыхъ своихъ обязанностей и даже заставлялъ полицейскую власть безпокоиться за его судьбу. Въ одномъ документѣ—рапортѣ по поводу этого проповѣдника власти пишутъ. «Такъ какъ квартира миссіонера Слѣпцова находится внѣ крѣпости, что, при таковомъ расположеніи его Слѣпцова' по извѣстной дикости и безпримѣрному корыстолюбію чукчей, можно бы обратить въ собственную его пагубу соблазненія блестящими вещами, то комиссаръ Ширшиковъ принужденнымъ нашелъ себя для предохраненія его отъ нечаяннаго нападенія чукчей высылать всякій разъ изъ крѣпости особый караулъ». Далѣе, въ этомъ рапортѣ говорится, «что во всѣхъ продолженіяхъ Чукотскаго торга священникъ Слѣпцовъ отнюдь не занимался прямою своею обязанностью и не окрестилъ ни одного человѣка, но промѣнивалъ только чукчамъ казенныя вещи на привозимые ими продукты, коихъ и собрано имъ: 3 чернобурыхъ, 11 сиводушекъ и 14 красныхъ лисицъ, 1 рысь, 1 выдра, 20 куницъ, 72 песца бѣлыхъ, 5 голубыхъ, 28 зубовъ мамонтовой кости и 2 рога единороговыхъ».

Отецъ—Слѣпцовъ, начальникъ духовной миссіи, по части корыстолюбія не уступалъ своему сыну. Оба грабили казну.

Въ одномъ изъ слѣдственныхъ документовъ о дѣлахъ Слѣпцова говорится, что отецъ іеромонахъ на отпущенные ему въ Якутскѣ изъ казны болѣе 14000 рублей купилъ у разныхъ людей множество всякихъ мѣдныхъ и желѣзныхъ издѣлокъ и вещей, а съ оными у купца Андреянова сто пудовъ табаку на 7000 руб., но отправлено и привезено въ Нижне-Колымскъ табаку только 27 сумъ, коихъ при провѣркѣ въ Островной крѣпости, въ присутствіи торговыхъ старшинъ и самого священника Трифонова, оказалось съ небольшимъ 50 пудовъ, а тазовъ зеленой мѣди заводскихъ и якутскихъ изъ красной мѣди луженыхъ оказалось не болѣе, какъ на десятину. Казакъ же Никулинъ подъ присягою удостовѣрилъ, что якобы тѣхъ и другихъ привезено было имъ до 25 или около 30, а вмѣсто оныхъ поступило 5 желѣзныхъ котловъ, небывшихъ вовсе въ покупкѣ. Изъ чего заключить должно, что прочихъ вещей едва ли отправлена была третья часть».

Съ такими торгошескими наклонностями, отцы проповѣдники Слѣпцовы, конечно, мало сослужили православію, и шаманизмъ среди инородцевъ держится и по сіе время.

Зато сами проповѣдники набивали себѣ карманы и строили недвижимости. Такъ напр., тотъ же іер. Слѣпцовъ, какъ видно изъ дѣла № 145 за 1818 г., послѣ своей смерти оставилъ въ наслѣдство имѣніе въ суммѣ 8 тысячъ рублей, сколоченныхъ сравнительно въ короткій промежутокъ времени.

То же статистика.

Въ послѣдней книжкѣ журнала „Природа“ (мартъ 1916 года, стр. 399) приводятся нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія о населеніи Енисейской губерніи. Не касаясь приведенныхъ свѣдѣній во всемъ объемѣ ихъ, я остановлюсь лишь на одной цифрѣ, которая невольно вызываетъ недоумѣніе.

По даннымъ статистическаго отдѣла Енисейскаго переселеческаго района, число жителей города Енисейска къ 1 января 1915 года опредѣляется въ 13.493 челов.

Вѣрно ли это? Обратимся къ цифрамъ. По первой всероссійской переписи жителей въ Енисейскѣ было: мужчинъ 5.952, женщинъ 5.587, а всего 11.539; по школьной переписи, произведенной въ январѣ 1910 года, жителей въ Енисейскѣ оказалось: мужчинъ 3.634, женщинъ 3.796, а всего 7.430; словомъ, за 12 лѣтъ (съ 1897 г. по 1910 г.) жителей въ Енисейскѣ не прибыло, а убыло на 4.109 или на 35,61%.

Эти краснорѣчивыя цифры имѣютъ, разумѣется, свои глубокія основанія въ экономической жизни края; достаточно указать на упадокъ золотопромышленности, на зачаточное состояніе или полное отсутствіе другихъ отраслей промышленности, на сохранившееся съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней въ дѣвственной почти чистотѣ и неприкосновенности классическое бездорожье. Съ богатымъ прошлымъ и, несомнѣнно, широкимъ будущимъ, Енисейскъ имѣетъ незавидное настоящее: убыль населенія, масса большихъ и малыхъ заколоченныхъ построекъ, обширныя разваливающіяся гнѣзда гремѣвшихъ когда то золотопромышленниковъ и прочихъ «воротилъ» края, упорный хроническій дефицитъ городского бюджета, наблюдаемый уже не первое десятилѣтіе и требующій иногда героическихъ мѣръ отъ городского управленія... Картина не веселая, что и говорить!

Какимъ образомъ она могла такъ рѣзко измѣниться къ лучшему, какой чародѣй съ такой кинематографической быстротой, въ 3-4 года, и такъ радикально улучшилъ экономическія условія края и города; по какому волшебству населеніе Енисейска такъ стремительно почти удвоилось: съ 7.430 чел. въ 1910 г. до 13.493 чел. къ 1 января 1915 г.? Это конечно, секретъ нашей казенной статистики...

И. Я. Чибизовъ.

Изъ жизни Ѳ. М. Достоевскаго въ Семипалатинскѣ.

Въ числѣ знакомыхъ Ѳ. М. Достоевскаго въ Семипалатинскѣ былъ, между прочимъ, чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ Исаевѣ. Это былъ неисправимый алкоголикъ, допивавшійся до бѣлой горячки. Жена Исаева, Марья Дмитріевна, какъ извѣстно, сыграла въ жизни Достоевскаго большую роль. Оедоръ Михайловичъ чувствовалъ къ ней глубокое сердечное влеченіе, которое, по смерти Исаева, закончилось бракомъ. До брака же Достоевскій пережилъ много минутъ тяжелаго одиночества и жгучей ревности.

Въ Семипалатинскѣ Оедоръ Михайловичъ часто видѣлся съ Исаевой. Но вотъ Исаевъ получилъ служебный переводъ въ г. Кузнецкъ, Томской губерніи, куда и выѣхалъ съ Марьей Дмитріевной. Достоевскій отчаянно заскучалъ. Тоска его приняла угрожающій характеръ; онъ замѣтно похудѣлъ, ходилъ мрачно настроенный и терзался ужасно. Начальство не давало отпуска и о свиданіи съ М. Д. Исаевой нечего было и думать.

Но въ дѣло вмѣшался другъ Оедора Михайловича баронъ Врангель и придумалъ слѣдующую хитроумную комбинацію: объявить Достоевскаго больнымъ, прикованнымъ къ кровати, а тѣмъ временемъ увезти его въ Змѣиногорскъ (на полпути между Семипалатинскомъ и Кузнецкомъ) и устроить ему тамъ тайное свиданіе съ Исаевой, которую объ этомъ своевременно извѣстятъ. Сказано-сдѣлано. По городу прошелъ слухъ, что Достоевскій послѣ одного эпилептическаго припадка сильно разбился, чувствуетъ полный упадокъ силъ и принужденъ нѣсколько дней не выходить изъ дому. Для большей иллюзіи ставни въ квартирѣ Оедора Михайловича были закрыты наглухо.

Въ этотъ хитрый планъ баронъ Врангель посвятилъ военнаго врача Лямота. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Достоевскомъ Врангель называетъ Лямота человѣкомъ чудной, благородной души. Бывшій студентъ Виленскаго университета,

полякъ Лямотъ былъ высланъ въ Степной край по какому-то политическому дѣлу. Лямотъ охотно принялъ участіе въ заговорѣ. Поѣздка друзей въ Змѣиногорскъ, однако, была неудачна. Исаева, вслѣдствіе болѣзни мужа и по безденежью, не могла пріѣхать на свиданіе и Достоевскій вернулся въ Семипалатинскъ темнѣе тучи.

Объ этой продѣлкѣ Врангеля администрація такъ ничего и не узнала.

Врангель коротко упоминаетъ о Лямотѣ. Въ архивѣ областного правленія намъ удалось встрѣтить одинъ документъ, имѣющій отношеніе къ помянутому врачу. Вотъ этотъ документъ:

„1857 года сентября 24 дня, во вторникъ, въ присутствіе Семипалатинскаго областного правленія присутствующіе прибыли г.г.: предсѣдатель состоящій по арміи полковникъ Ивакъ Павловичъ Шубинъ: коллежскіе совѣтники: Андрей Игнатьевичъ Чеусовъ, Димитрій Яковлевичъ Малосапожковъ; отъ киргизъ: подполковникъ Ханхожа Татѣневичъ Татѣневъ; ассесоръ: титулярный совѣтникъ Петръ Николаевичъ Сухомлиновъ. Въ 9 часовъ пополуночи. По канцеляріи. Слушали: 1. Предложеніе г. исправляющаго должность военнаго губернатора, отъ 20 сего сентября № 2988, коимъ, для зависящаго распоряженія, увѣдомляетъ, что г. военный министръ, во вниманіе къ одобрительному отзыву начальника штаба отдѣльнаго сибирскаго корпуса о старшемъ штабъ-лекарѣ Семипалатинской области коллежскомъ совѣтникѣ Лямотѣ и на основаніи Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года, изволилъ разрѣшить: простить учрежденный надъ этимъ медикомъ секретный надзоръ. Справка: коллежскій совѣтникъ Лямотъ состоялъ на службѣ по Семипалатинской области штабъ-лѣкаремъ, за которымъ былъ-ли когда и за что учрежденъ секретный надзоръ—изъ дѣлъ правленія не видно. Приказали: настоящее предписаніе г. исправляющаго должность военнаго губернатора принять въ семъ правленіи къ свѣдѣнію, а о содержаніи справки довести до свѣдѣнія его превосходительства».

Въ числѣ друзей Достоевскаго по Семипалатинску слѣдуетъ отмѣтить Карла Ордынскаго, ссыльнаго полька, отбывавшаго каторгу въ Усть-каменогорской крѣпости. Оедоръ Михайловичъ часто бывалъ въ домѣ Ордынскаго. Тутъ онъ нерѣдко проводилъ дни и ночи за литературными занятіями. Здѣсь-же съ нимъ, большею частью по ночамъ, въ моменты нервнаго напряженія, случались и припадки падучей болѣзни, жестоко мучившей его до самой смерти. Въ судьбѣ Достоев-

скаго и Ордынскаго было много общаго и это-то обстоятельство, возможно, и сблизило этихъ людей.

Въ архивѣ Семипалатинскаго областного правленія мы встрѣтили объ Ордынскихъ довольно подробныя свѣдѣнія, которыми и считаемъ не лишнимъ подѣлиться съ читателемъ.

Братья Феликсъ и Карлъ Викентьевичи Ордынскіе происходили изъ шляхтичей Гродненской губерніи. „За принадлежность къ тайному обществу, существовавшему противъ Высочайшей власти", Ордынскіе были преданы въ 1826 г. въ г. Бѣлостокѣ суду и конфирмаціей 7 іюля 1827 г. лишены дворянства съ ссылкою въ дальнія крѣпости въ каторжныя работы на 5 лѣтъ. По окончаніи каторги, Ордынскіе должны были остаться въ Сибири на поселеніи. Тобольскій приказъ о ссыльныхъ направилъ ихъ въ 1827 г. черезъ Омскую крѣпость въ Устькаменогорскую каторжную тюрьму. Въ крѣпости Ордынскіе аттестовались начальствомъ съ хорошей стороны. Отбывъ каторгу, Ордынскіе вступили 30 апрѣля 1830 года рядовыми въ сибирскій линейный № 8 баталіонъ, стоявшій въ Копалѣ, Семипалатинской области.

По окончаніи военной службы, Карлъ Ордынскій поселился на жительство въ Семипалатинскѣ. Семья его состояла изъ жены и четырехъ дѣтей (1 сынъ и 3 дочери). Въ Семипалатинскѣ Ордынскій поступилъ на частную службу къ Поповымъ. Полиція находила поведеніе его „приличнымъ" и самого его непричастнымъ „къ какимъ-либо предосудительнымъ поступкамъ". Впослѣдствіи К. Ордынскій поступилъ на государственную службу и былъ смотрителемъ „Семипалатинскихъ провіантскихъ магазиновъ". Дослужился до чина коллежскаго секретаря. Получалъ потомъ полупенсіонъ въ размѣрѣ 42 р. 90 к. въ годъ. Имѣлъ собственный домъ и занимался хлѣбопашествомъ на Бель-агачѣ (въ 40 верстахъ отъ города). Манифестъ 26 августа 1856 г. далъ Ордынскому возможность вернуться на родину. Хотя милости манифеста и не распространялись непосредственно на политическихъ преступниковъ, обвиненныхъ за принадлежность къ тайнымъ политическимъ общества, открытымъ въ 1825 г., тѣмъ не менѣе, по ходатайству генералъ-губернатора Западной Сибири, Ордынскому предоставлено было право возвратиться на родину, но „не прежде того, когда по семейнымъ обстоятельствамъ и денежнымъ средствамъ онъ могъ бы предпринять свою поѣздку". Въ распискѣ, выданной Ордынскимъ Семипалатинской городской полиціи, по случаю объявленія ему милостей, онъ пишетъ: „возвратиться на родину было постояннымъ моимъ желеніемъ. Будучи обремененъ семействомъ и не имѣя въ настоящее вре-

мя никакихъ средствъ для переѣзда со всѣмъ моимъ семействомъ изъ Сибири, я, хотя и принужденъ остаться въ Семипалатинскѣ, но во всякомъ случаѣ оставляю за собою право выѣзда, дарованное мнѣ, чтобы воспользоваться этимъ правомъ при первомъ удобномъ случаѣ. О будущемъ мѣстѣ жительства моего я буду имѣть честь донести начальству особо, когда состоится выѣздъ мой изъ Сибири." Какъ скоро послѣ этого К. Ордынскому удалось выполнить свое завѣтное желаніе—возвратиться на родину—изъ дѣлъ не видно, равно какъ и не видно, какова была дальнѣйшая судьба Феликса Ордынскаго, послѣ отдачи его въ военную службу. Изъ статейнаго списка на братьевъ Ордынскихъ, составленнаго 27 марта 1830 г., видно, что Ордынскимъ, въ моментъ отдачи ихъ въ солдаты, было: Феликсу 26 лѣтъ и Карлу 23 года.

Обстановка жизни въ Семипалатинскѣ не могла не угнетать Достоевскаго. Интеллигенція города по своему культурному составу была такой, что отбивала у Оедора Михайловича всякое желаніе имѣть съ ней какое-либо дѣло. Жалкое захолустье, скудное впечатлѣніями, погрязшее въ сплетняхъ и дрязгахъ,—Семипалатинскъ тѣхъ временъ представлялъ изъ себя настоящее гиблое мѣсто. Пустота городской жизни давила Достоевскаго. Но среди этого прозябанія настоящими праздниками для Оедора Михайловича были его, правда, рѣдкія поѣздки въ Барнаулъ и рудники Локтевскій и Змѣиногорскій. Барнаулъ являлся тогдашней столицей Алтайскаго горнаго округа. Здѣсь много было интеллигенціи среди горныхъ инженеровъ, учившихся въ горномъ корпусѣ и Фрейбургской горной академіи. Вотъ въ эту-то среду Оедора Михайловича и ввелъ баронъ Врангель. Достоевскій чувствовалъ себя среди этой культурной обстановки, гдѣ много было людей науки, хорошо. На время забывалась Семипалатинская плѣсень, являлась возможность культурнаго общенія съ образованнымъ обществомъ; здѣсь къ нему относились съ полнымъ вниманіемъ и должной предупредительностью. Все здѣсь было просто и непринужденно, но вмѣстѣ и аристократично. На лѣто горные съ семействами переѣзжали изъ Барнаула на дачу въ горы—въ Змѣиногорскъ, гдѣ Достоевскій встрѣчалъ туже культурную обстановку, такъ успокоительно дѣйствовавшую на его душу. Въ этомъ обществѣ Оедоръ Михайловичъ оживлялся, былъ веселъ.

Кромѣ барона Врангеля, Достоевскій совершилъ еще поѣздку въ Барнаулъ съ П. П. Семеновымъ, впослѣдствіи Тянь-шанскимъ и вице-президентомъ географическаго общества,

проѣзжавшимъ въ научныхъ цѣляхъ въ Туркестанъ. Эта поѣздка также освѣжила Достоевскаго.

Близокъ былъ къ Достоевскому и другъ Г. Н. Потанина молодой, умный и европейски образованный киргизъ, питомецъ Омскаго кадетскаго корпуса, внукъ послѣдняго хана Средней орды, Чоканъ Валихановъ, бывавшій заграницей.

Проѣздомъ черезъ Семипалатинскъ въ Ташкентъ и Коканъ, Чоканъ охотно посѣщалъ Оедора Михайловича, съ которымъ познакомился въ Омскѣ и котораго горячо полюбилъ. Достоевскій съ радостью встрѣчалъ Валиханова; ихъ связывало идейное родство. Въ бесѣдахъ съ Чоканомъ Достоевскій отдыхалъ душой. Къ сожалѣнію, этотъ талантливый представитель киргизскаго рода умеръ въ раннихъ годахъ отъ чахотки.

Съ отъѣздомъ Врангеля изъ Семипалатинска, Достоевскій остался одинокимъ. Изъ ихъ взаимной переписки видно, чѣмъ Врангель являлся для Оедора Михайловича, который называетъ его въ своихъ письмахъ къ нему „дорогимъ, незамѣнимымъ, безцѣннымъ другомъ, чистымъ, честнымъ сердцемъ, добрѣйшимъ, незабвеннымъ“, и. т. п. Отсутствіе Врангеля чувствовалось Достоевскимъ очень живо. Въ письмѣ къ своему другу отъ 23 августа 1855 г. Оедоръ Михайловичъ, между прочимъ, говоритъ: «Скучно! А кругомъ все такъ плохо и людей нѣтъ“.

По ходатайству своихъ друзей, Достоевскій получилъ разрѣшеніе выѣхать въ 1859 г. въ Европейскую Россію. Вскорѣ одинъ за другимъ появились его знаменитые повѣсти и разсказы, которые привлекли къ себѣ вниманіе всего образованнаго міра.

Б. Г.

Изъ Минусинскихъ пословицъ.

1. Вотъ теперь я и поправился!—сказалъ отецъ дьяконъ выпивши восемнадцатую рюмку водки.
2. Пьешь—губы слипаются, пойдешь—ноги подгибаются.
3. Противна, какъ нищему гривна.
4. Не намъ поповъ судить: на то есть черти.

Великій духъ огня.

(Изъ воспоминаній скитальческой жизни на сѣверѣ.)

Наступилъ Новый годъ. Стояли сильные морозы. Небесный сводъ казался ледянымъ куполомъ и не было замѣтно на немъ ни одного облачка. Однако и при ясномъ небѣ изрѣдка выпадалъ снѣгъ, въ видѣ туманной пыли. Ночи были одинаково холодны, какъ и дни.

Обитатели тайги старались укрыться въ мѣстахъ защищенныхъ отъ вѣтра, гдѣ наскоро устраивали теплые балаганы.

Мы спѣшили къ Новому году перекочевать съ рѣки Кемчуга на рѣку Индъ (притокъ Енисея), къ утесу Вегенты и устроить тамъ, на время стужи, теплый балаганъ.

Утесъ Вегенты достигалъ, приблизительно, до 3000 фут. высоты надъ уровнемъ рѣки. Кругомъ его подножія росъ сидячій соснякъ, а вершина была покрыта мохомъ.

Съ давнихъ временъ здѣсь водятся табуны дикихъ оленей; поэтому тунгусы, во время декабрской и январской стужи, почти ежегодно стягиваются сюда и практикуютъ групповой способъ охоты на дикихъ оленей, къ которому побуждаетъ ихъ, прежде всего, несовершенство имѣющихся у нихъ орудій охоты.

Обыкновенно, охотники стараются обойти стадо кругомъ и направить его къ обрыву утеса. Преслѣдуемыя животныя бросаются съ утеса на рѣку, гдѣ ихъ и добиваютъ. Такъ уничтожаютъ здѣсь дикихъ оленей цѣлыми табунами.

Мы также разсчитывали на хорошую добычу звѣря, но, къ сожалѣнію, раньше насъ къ утесу Вегенты прикочевалъ тунгузскій родъ Гургаіе (бородатый) и устроилъ на оленей облаву. Табуны оленей были испуганы и бѣжали на хребетъ Тынтурга (наковальня), обнаженныя вершины котораго видны были съ утеса Вегенты въ с.-в. направленіи.

По формѣ хребетъ Тынтурга дѣйствительно всего болѣе походилъ на наковальню.

Устроивъ у подножія утеса Вегенты, въ защищенной сторонѣ отъ сѣвернаго вѣтра, теплый балаганъ, съ каминомъ, часть нашихъ промышленниковъ отправились къ хребту Тыптурга, въ поиски за дикими оленями, а молодежь, подъ присмотромъ старой Наны, осталась на мѣстѣ для заготовки дровъ и ухода за скотомъ.

Морозъ усиливался. Кругомъ была невозмутимая тишина, изрѣдка нарушаемая лишь трескомъ лопающихъ деревьевъ, хрустомъ шаговъ и лаемъ собакъ, которыя лѣзли къ огню, что, по примѣтамъ тунгусовъ, означало устойчивость мороза.

Молодежь, заготовивъ дровъ, большую часть времени проводила въ балаганѣ, занимаясь игрою въ шашки, разсказами, прибаутками, но больше того злостно подшучивала надъ старой Наной.

Старуха обыкновенно сдерживалась и долго хранила молчаніе, но затѣмъ разомъ выходила изъ терпѣнія, вооружалась палкой и выгоняла шалуновъ вонъ изъ балагана на морозъ, послѣ чего уже цѣлый день ругалась и брюзжала.

Однажды старую Нану проказы молодежи довели, что называется до бѣлаго каленія.

Ея племянница и любимица Чичакъ (Синица), плотно покушавъ, по обыкновенію, начала отрыгать. Ровесникъ и товарищъ дѣтства Синицы Дотывуль нашелъ и въ этомъ развлеченіе.

Доставъ спички, онъ заставилъ Синицу отрыгать избытокъ кислотъ не случайно, а по его командѣ, и при отрыжкѣ старался быстро поднесть зажженную спичку къ самому рту дѣвушки, отчего отрыгнутый газъ воспламенялся. Подобное изобрѣтеніе привело въ неописуемый восторгъ его товарищей. Но эта продѣлка шалуновъ вывела старую Нану изъ всякого терпѣнія, усмотрѣвшую въ такой шалости кощунственное отношеніе къ родовому божеству-великому духу огня.

Старуха пришла въ ужасную ярость. Прежде всего, она бросилась къ своей любимицѣ, и наказала шалунью собственнымъ поясомъ. Синица, отъ охватившаго ее чувства стыда и неловкости, ибо дѣвушка была уже на возрастѣ, сначала сконфузилась, затѣмъ зарумянилась, какъ маковый цвѣтъ, и, наконецъ, разсердившись на Нану, совершенно неожиданно, устроила ей комбинацію изъ трехъ пальцевъ. ..

Поступокъ Синицы вызвалъ новый взрывъ хохота молодежи.

Это еще больше разсердило старуху; въ порывѣ гнѣва она схватила горящую головню и начала наносить ей удары проказникамъ. Такого оборота дѣла молодежь никакъ не ожи-

дала и, не на шутку испугавшись, моментально повыскакала изъ балагана.

Старуха послала въ догонку шалунамъ два-три ругательства и мало по малу успокоилась. Затѣмъ, старуха достала жиръ отъ дикаго оленя и съ глубочайшимъ благоговѣніемъ принесла его въ жертву огню, выливъ его на кострище.

Послѣ этого старуха сново начала браниться и ворчать.

—Развѣ изъ нихъ будутъ люди? Развѣ это вѣковые кедры? Нѣтъ, это растетъ жалкій талъ, поганая ольха!. Они не знаютъ, что дѣлаютъ,—продолжала старуха.—Огнемъ шутить нельзя—это старинная примѣта. Горе навлечь гнѣвъ духа огня!

Три зимы тому назадъ была у меня племянница,- такая же дура, какъ Синица. Еще замужняя была, а ума не было. Имѣла двухъ дѣтей, одинъ на ногахъ, другой въ зыбкѣ. Время было также передъ Новымъ годомъ. Мужъ ушелъ выслѣживать дикихъ оленей, а она домовничала. Морозы стояли сильные—отъ стужи птицы дохли. Ночами поддерживали огонь.

Въ одну ночь какъ то ребенку не поспалось. Въ морозы дѣти вообще плохо спятъ. Мать подсѣла съ нимъ къ огню и начала его отогрѣвать и кормить грудью. Въ это время отъ огня отскочила искра и обожгла ребенка. Мать разсердилась, схватила ножъ и ткнула имъ въ огонь.

Накормивъ и отогрѣвъ ребенка, племянница снова легла спать.

Послѣ этого огонь погасъ и въ чуму стало холодно. Племянница проснулась и начала добывать огонь, но какъ она не старалась, однако всѣ ея усилія ни къ чему не привели. Огниво не давало искры. Убѣдившись въ безполезности своихъ стараній племянница одѣла ребятъ, посадила ихъ на нарту и отправилась въ поиски за мужемъ, потащивъ на себѣ нарту. По слѣдамъ мужа, она нашла его таборъ. У него кострище горѣло ярко. Мужъ не мало удивился приходу жены, но она разсказала ему, что вынуждена была притащиться съ ребятами сюда потому, что, несмотря на всевозможныя старанія, она не могла добыть огня.

О томъ, что въ порывѣ справедливаго, по ея мнѣнію, гнѣва она пырнула ножемъ въ огонь, племянница умолчала.

На утро чета отправилась домой. Подходя къ чумовищу, они увидѣли густой дымъ, который валилъ изъ жилища прямымъ столбомъ до самого неба, какъ это и бываетъ въ морозы. чему не мало удивились. Но каково было изумленіе, когда, зайдя въ жилище, они увидѣли, возлѣ ярко пылающаго

очага, старуху, которая сидѣла и плакала. Обратившись къ матери ребенка, старуха сказала:

—Я твое дитя поцѣловала, а ты пырнула меня ножемъ. Отдай за это сына!

Затѣмъ видѣніе старухи изчезло, а когда въ жилище внесли зыбку и раскрыли ее, то ребенокъ, находившійся въ ней, оказался мертвымъ.

Мать отъ испуга и горя тутъ же тронулась умомъ, а отецъ ребенка, какъ бѣдная талинка, вскорѣ послѣ этого повѣсился на чумовамъ шестѣ..

Такъ наказываетъ великій духъ огня глупыхъ людей за неуваженіе къ нему.

Развѣ это кедры?—снова заворчала старуха. Нѣтъ это талъ. трава. зелень, которая пропадетъ отъ перваго ненастья...

К. Рычковъ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ БРЫЗГИ.

Въ нѣкоторыхъ обычаяхъ Минусинскихъ татаръ можно подмѣтить любопытныя этнографическія черты, разсказывающія, лучше всякихъ легендъ и преданій, о тѣхъ или другихъ важныхъ бытовыхъ явленіяхъ отдаленнаго прошлаго.

Забота о продолженіи рода, особенно въ виду такихъ грозныхъ обстоятельствъ, какъ эпидемическія болѣзни и нашествіе враговъ, надо полагать, была на первомъ планѣ. И эхо этихъ заботъ до сихъ поръ слышится въ слѣдующемъ, напримѣръ, обычаѣ—довольно страномъ для посторонняго свидѣтеля, не инородца.

Послѣ короткаго знакомства инородецъ спрашиваетъ собесѣдника.

— Ребятишки у тебя есть?

Допустимъ, инородцу отвѣтятъ:

— Есть.

На такой отвѣтъ татаринъ неожиданно разсыпается въ благодарностяхъ:

— Э, спасибо! Спасибо!

Дальше инородецъ спрашиваетъ:

— И парнишка есть?

— Есть.

Новыя благодарности, даже съ рукопожатіями:

— Ну, вотъ спасибо! Вотъ спасибо!

Что, какъ не забота о продолженіи рода, заставляетъ татарина благодарить своего новаго знакомаго, у котораго есть дѣти, и особенно „парнишка“?

Съ другой стороны, Минусинскіе инородцы называютъ „шатуномъ“ (медвѣдемъ) всякаго мужчину, достигшаго зрѣлыхъ лѣтъ и не женатаго.

А. Л.

Изъ дѣятельности крестьянъ-собирателей. Цѣны на хлѣбъ въ Верхоленскомъ уѣздѣ за 20 лѣтъ.

На Шеинской заимкѣ (с. Бутаково, Качугской волости, Верхоленскаго уѣзда, Иркутской губерніи) проживалъ и не особенно давно скончался крестьянинъ Иванъ Филипповичъ Черепановъ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ безвѣстныхъ самоучекъ, которыхъ Н. Л. Скалозубовъ мѣтко окрестилъ „кустарями науки". Покойный депутатъ съ глубокимъ умиленіемъ разсказывалъ объ этихъ «безвѣстныхъ людяхъ разнаго рода и званія», которые задолго до появленія въ Сибири ученыхъ изслѣдователей, или совершенно вдали отъ нихъ, не зная и даже не подозрѣвая объ ихъ существованіи, а исключительно изъ любви къ дѣлу, вели и ведутъ на мѣстахъ различныя наблюденія, записи, собираютъ коллекціи и т. д.

Такъ, напримѣръ, «С. К. Паткановъ близъ Тобольска въ д. Филатовой встрѣтилъ крестьянина, который велъ систематическія изъ года въ годъ хозяйственныя записи о времени сѣва и уборки хлѣбовъ, о количествѣ посѣва и урожаяхъ, о стоимости рабочихъ рукъ. Записи эти продолжались и его сыномъ и въ результатѣ получились непрерывныя свѣдѣнія за нѣсколько десятковъ лѣтъ, обработанныя сначала С. К. Паткановымъ, позднѣе дополненныя редакціей «Ежегодника Тобольскаго Музея». Тотъ же крестьянинъ въ Филатовой собиралъ и коллекціи по минералогіи и геологіи»*).

Подобныя записки велъ и покойный Пв. Черепановъ. Кромѣ того, онъ собиралъ старинныя книги и рукописи. Собранная имъ коллекція старинныхъ книгъ, исключительно духовнаго содержанія, довольно интересна. Она содержитъ въ себѣ старинныя Четь-Минеи, Псалтири, Уставники, книги Новаго Завѣта и др. Самымъ любопытнымъ памятникомъ его со-

*) Н. Л. Скалозубовъ. «Организація общественныхъ силъ въ цѣляхъ изученія Сибири», стр. 5.

бранія является Библія, Елизаветинскаго времени, размѣра 45×27, съ надписью на переплетѣ, къ сожалѣнію, не вполнѣ разборчивой: «Сію священную библію прислалъ въ подарокъ ис Тобольска преосвященый Силиверстъ митрополитъ тобольскій.... и моей самоличной при отправленіи моемъ ис тобольска.... ченіи его преосвященствомъ ис светейшаго суноду книгъ бес переплету....»

Среди рукописей, собранныхъ Ив. Ф-емъ, имѣются старинные лѣчебники, раскольничьи стихи, торговые договоры крестьянъ съ бурятами и купчія середины XVIII вѣка и др. Къ сожалѣнію, не все собранное и записанное имъ сохранилось. Изъ оставшихся же матеріаловъ особенно характерны и глубоко поучительны его аккуратнѣйшія и подробнѣйшія записи климатическихъ наблюденій, которыя онъ велъ почти безъ пропусковъ съ 1892 года и по 1912, т. е. до самой смерти. Приводимъ образецъ этихъ записей:

«Февраль 1895
5 порошка
10 приталины
10 снегъ на 1½ в.
12 приталины
20 пороха.»

Въ другихъ тетрадяхъ съ собственноручными записями Ив. Ф-ча сохранились замѣтки изъ Священнаго Писанія, недоумѣнные вопросы по поводу прочитаннаго, различныя хозяйственныя свѣдѣнія, примѣты и наблюденія, средства народной медицины, и пр.

Между ними особенно значительными и цѣнными по представляемому ими интересу являются записи цѣнъ на хлѣбъ въ Верхоленскомъ уѣздѣ, по селамъ Ангѣ, Кучугу, Бутаковой и др. Эти записи начинаются съ 1888 года и доходятъ до 1908. Къ этимъ даннымъ за послѣдніе года И. Ф. сталъ присоединять и свѣдѣнія объ урожаяхъ.

Публикуя эти записи, намъ хотѣлось бы не только сообщить интересный матеріалъ, касающійся хозяйственной жизни Ленскаго края, но и тѣмъ самымъ отмѣтить достойнымъ образомъ почтенную дѣятельность покойнаго Ивана Филипповича.

Цены на хлѣбъ	1888	. . 1 руб 50 к
„ „ „	1889	. . 1 руб 50 к квѣсне ниже
„ „ „	1890	. . отъ 90 коп до 1 р
„ „ „	1891	. . отъ 55 коп до 75
„ „ „	1892	. . отъ 45 коп ниже до 23
„ „ „	1893	. . отъ 25 коп до 50 к.

Цѣны	на	хлѣбъ	1894 . .	отъ 30 до 55 коп
„	„	„	1895 . .	отъ 35 до 65 к.
„	„	„	1896 . .	отъ 40 до 60 коп.
„	„	„	1897 . .	отъ 85 до 1 руб
„	„	„	1898 . .	отъ 80 коп до 1 р. 20 коп.
„	„	„	1899 . .	отъ 80 до 1 р 55 коп.
„	„	„	1900 . .	отъ 50 коп до 70
„	„	„	1901 . .	отъ 60 коп до 50 и 30
„	„	„	1902 . .	отъ 58 до.....
„	„	„	1903 . .	отъ 75 коп до 1 руб.
„	„	„	1904 . .	отъ 65 коп до 1 р 15 коп.
„	„	„	1905 . .	отъ 85 коп до 1 р 75.
„	„	„	1906 урожай	отъ 1 р. 15 к до 1 р 60
„	„	„	1907 урож. средній	отъ 95 к. до 60 к.
„	„	„	1908 урож. средній	отъ 40 коп до 70 к.

Маркъ Азадовскій.

Заговоръ для «присушки» дѣвицы или парня.

«Какъ съ гуся вода, такъ съ меня худоба—на легкость, на здравіе, на Божью милость.

Чертя, чертенята! Поѣзжайте на Каму, наберите песку, нагоните тоску на раба Божія (имярекъ), чтобы онъ сохнулъ и вянулъ по рабѣ Божьей (имярекъ). Какъ сохнетъ и вянетъ въ полѣ цвѣтокъ въ жаркую пору безъ дождя, безъ росы, такъ сохнулъ бы и вянулъ рабъ Божій (имярекъ) по мнѣ рабѣ Божіей».

Заговоръ произносится надъ пряникомъ, который дается предмету «присушки».

Записано въ 1914 году со словъ крестьянина Ав. Каймонова изъ деревни Мамырь, Ижевудинскаго уѣзда.

Сообщилъ М. Овчинниковъ.

Къ вопросу объ именахъ Минусинскихъ инородцевъ.

Въ архивѣ Минусинскаго Спасскаго собора хранится книга подъ заглавіемъ „Запись крещенымъ инородцамъ". Въ ней записаны инородцы, окрещеные въ 30-хъ—40-хъ годахъ прошлаго вѣка въ Минусинскѣ. Изъ нея мы заимствуемъ „инородческія имена" окрещенныхъ,-матеріалъ. могущій представить интересъ для этнографа и лингвиста.

Большинство именъ принадлежатъ инородцамъ Качинской думы, нѣкоторыя-Койбальской.

Уже изъ сравнительнаго количества именъ того и другого пола видно, что крестилось больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Такъ, въ 1840 г. было окрещено священникомъ градо-Минусинской церкви 13 душъ мужескаго пола и 20 женскаго.

Въ литературѣ о Минусинскихъ инородцахъ мы не встрѣчали матеріала о „языческихъ именахъ", приводились только наименованія родовъ и костей [1]).

Кой какія имена собственныя были приведены Радловымъ въ его сборникахъ фольклора тюркскихъ племенъ Южной Сибири [2]).

1) Ср. напр. Е. К. Яковлевъ. Этнографическій обзоръ инородческаго населенія долины Южнаго Енисея. Минусинскъ. 1900, 5 сл.; Н. А. Аристовъ. Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности (Отдѣльный оттискъ изъ «Живой Старины», 1896, вып. III и IV), 73-75; Н. А. Аристовъ. Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ большой орды и каракиргизовъ на основаніи родословныхъ сказаній и свѣдѣній о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и о родовыхъ тамгахъ, а также историческихъ данныхъ и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій. «Живая Старина», 1894, вып. III и IV, 391–486. Кн. Костровъ. Качинскіе татары. Казань, 1852.

2) W. Radloff. Proben Volkslitteratur der Türkishen Stämme Süd-Sibiriens. II Theil Die Abakan-Dialekte и т. д. S.-Petersburg, 1868, отдѣлъ, посвященный Качинцамъ, 300 сл. Въ этихъ матеріалахъ по фольклору попадаются имена Kattyr, Kara.

Имена мужскія		Имена женскія	
Васьба.	Калканъ.	Пойстанка.	Татча.
Джежа.	Петко.	Тетерь.	Маріа.
Шпикра.	Шкалъ.	Чускара.	Марѳа.
Минуи.	Куча.	Кишиней.	Масха.
Кызылчакъ.	Баманъ.	Пика.	Джія.
Прокъ.	Масха.	Горка.	Джуа.
Бабанъ.	Камолъ.	Кинчужка.	Аша.
Байдакъ.	Мизекъ.	Сагаръ.	Жылбыска.
Кокушна.	Кызанъ.	Кильбей.	Борчо.
Самка.	Гордзы.	Донакъ.	Базатка (Койб.).
Мырза.	Кутинъ.	Каскокъ.	Глука.
Матаякъ.	Тухтинъ.	Катиръ.	Постайка.
Матька.	Сантъ.	Дока.	Утна.
Вотька.	Кафтинъ.	Парча.	Натка.
Барджанка. (Койб.)	Тамачакъ.	Анкидай.	Тардаякъ.
		Кука.	Орка.
Айдвина	Чатка.	Катыкъ.	Бочка.
(Сагайс. дума).	Алыктай	Идекъ.	Бдидучей.
Джуянъ.	(Сагайс. д.).	Кыза.	Гуснара.
Кулай.	Кчеркъ (Са-	Керокъ.	Атка.
Сирычъ.	гайс. думы).	Акыла.	Кодежъ.
Плисъ.	Батка.	Анша.	Утажакъ.
Мальтыгакъ.	Чанчигишъ.	Адай.	Кимноя.
Качижекъ.	Троко.	Толай.	Пира.
Созапка.	Микель.	Коледа.	Аниска.
Кызыджанъ.	Транезь.	Кара.	Сурбочка (Койб.).
Петря.	Айдулай.	Кура.	Напткъ.
Мцокъ.	Арминъ.	Астукъ.	Чорка.
Мыза.	Ванчи.	Икея.	Куль.
Джуякъ.	Кучкъ.	Кака.	Кулькунта.
Кычекъ.	Тартшикъ.	Калтаръ	Сагаръ.
Тюрька.	Кочиръ.	Сургей.	Кильбей.
Мочакъ.	Чпганъ.	Абра.	Доникъ.
Варлашка.	Чогонакъ (Койб.).	Таяка	Коропь.
Учиръ.	Басъ.	Магпай.	Кытиръ.
Сагай.	Чуртай.	Иргешъ.	Прансы.
Антишъ.	Бизикъ.	Амадай.	Барчужка.
Аклунъ.	Карышъ.	Шуданъ.	Тамай.
Коста.	Джанъ.	Куруска.	Дока.
Антошка.	Тардай.	Канакъ.	Анкидяй.
Педенъ.	Соркло (Сагайс. думы).	Серекъ (Сагайс. думы).	Мана. Панся.
Черемишъ.	Питапапъ.		Тапакъ.

Имена мужскія.

Чоянъ.
Портняшка (Койб.).
Туруктей.
Марданъ.
Ать.
Дамалджанъ.
Курызанъ.
Ольканъ.
Маска.
Плиска.
Качанъ.
Тапазекъ.
Баджанъ.
Очакъ.
Барджанакъ.
Инкиженъ.
Моссе.
Казактай.
Королъ.
Бадьянъ.
Куска.
Шамтей.
Скорній.
Майта.
Бажакъ.
Кусткужакъ.
Смукучь.
Медекъ.
Катунъ.
Глостанъ.
Кызанъ.
Айдокъ.
Солотаннъ.
Олокъ.
Туктаща (Койб.).
Точакъ.
Казанъ.
Ачикъ.
Артошка (Койб.).
Борей.
Чуртай.
Гадыръ.
Кидакъ.
Чинтай.
Тантака.
Питпанъ.

Имена женскія.

Кабышь.
Нюнке.
Джунджей.
Сарекъ.
Шоданъ.
Садокъ.
Карабала.
Теню (Саг. дума).
Гага.
Куска.
Чапуръ.
Кугенъ.
Такпу (Саг. дума).
Мока.
Таикля.
Дохай.
Баржанъ.
Тодѣй.
Сурей.
Ашинъ.
Бачиникъ.
Кубай.
Тардинъ.
Сарина.
Кычанъ.
Черпанъ.
Чорнонка
Катаранъ.
Аста.
Аргафа.
Четай.
Барышка.
Лоша.
Каринъ.
Лиска.
Джульжанъ.
Кутке.
Матря.
Тухдыръ.
Татьякъ.
Кюде.
Пала.
Макча.
Барча.
Макшанъ.
Маклуша
Алыктый.
Каджакъ.
Тадиченъ.
Мурка.
Тархай.
Серъ.
Губишка.
Акей.
Саранъ.
Перпитъ.
Капля.
Кокла.
Ашендай.
Баянъ.
Очка.
Казю.
Каянъ.
Суринъ.
Торданикъ.
Тинктишка.
Натай.
Бачанъ.
Таргай.
Башка (Койб.).
Барчакъ (Койб.).
Тоганъ.
Табейджанъ
Куська.
Астастакъ.
Баджакъ.

В. А. Ватихъ.

Алтайскій народный судъ.

(*Право-обычай.*)

Ночевали мы на лонѣ широкой Ябаганской степи подъ открытымъ небомъ. Спали очень плохо, вѣрнѣе не спали, такъ какъ всю ночь приходилось отгонять алтайскихъ прожорливыхъ коровъ, покушавшихся жевать наши подушки и одѣяла. Нужно замѣтить, что отъ этихъ животныхъ трудно спасти даже и кожаныя вещи,—такъ велика у нихъ привычка жевать.

Мой спутникъ Иванъ Яковлевичъ Подзоровъ, путешественникъ, глубокимъ, обморочнымъ сномъ уснулъ только передъ утромъ, о чемъ свидѣтельствовалъ ужасный храпъ его..... Но не надолго! Вдругъ отчаянно вскрикнувъ, онъ вскочилъ на ноги: это —алтайская корова стала жевать его ухо.... О дальнѣйшемъ снѣ нечего было и мечтать; къ тому же, на степь палъ густой туманъ—предвѣстникъ знойнаго дня и промочилъ наши одѣяла, а спать подъ влажнымъ одѣяломъ было не совсѣмъ удобно. Стали сидѣть возлѣ костра—коротать ночь

Наступило утро. Изъ—за горъ брызнулъ снопъ солнечныхъ лучей, а черезъ нѣсколько минутъ вся степь была залита яркимъ свѣтомъ. Кто не бывалъ въ Ябаганской степи, тотъ не знаетъ унылой, но и чарующей красоты алтайской междугорной природы. На десятокъ верстъ въ ширину и на нѣсколько десятковъ въ длину растянулась Ябаганская степь, а кругомъ, окутанныя синеватой дымкой, стоятъ голые и острые гребни каменныхъ горъ. По степи кое-гдѣ возвышаются курганы *), а сама степь покрыта ковылемъ и большими яркими цвѣтами. Высоко въ воздухѣ раздается громкая трель степныхъ жаворонковъ, да отдаленный клекотъ горныхъ грифовъ.

Очарованные дикой и тоскливой красотой степи, мы сидѣли, молча, не шевелясь. Наконецъ, Подзоровъ не выдержалъ.

—Надоѣдаетъ ѣздить по Алтаю,—началъ онъ,—жара, плохія дороги, паразиты и грязь въ юртахъ, но въ этой степи и го-

*) Курганы—холмы изъ камней.

рахъ и въ самомъ этомъ простомъ народѣ есть что-то такое, что сильнѣе моего уныніе. Развѣ вы не чувствуете, какъ къ себѣ тянетъ эта степь? Посмотрите и на этотъ съ незлобивой душой народъ... Не было случая, чтобы у миссіонеровъ, купцовъ, или-же просто у проѣзжающихъ алтасцъ укралъ лошадей....

Поѣхали. Высоко поднялось солнце, но и земля отдавала изъ себя тепло. Ни вѣтерка. Дышать было почти нечѣмъ. Болѣла голова. Лошади фыркали и бились. Густая пыль проникала всюду: въ глаза, носъ и гортань. Изъ-подъ ногъ лошадей вылетала густая туча степныхъ стрекозъ.

Но вотъ страданія окончились: мы подъѣзжали къ юртѣ сказителя алтайскихъ былинъ, алтайца Сарышпана. Цѣлая свора огромныхъ, лохматыхъ собакъ яростно бросилась на насъ, намѣреваясь стащить съ сѣдла, и стащили-бы, если не вышедшіе изъ юрты люди. Они собакъ прогнали, нашихъ лошадей привязали къ коновязкѣ, а насъ самихъ любезно пригласили въ юрту. Черезъ часъ въ казанѣ (котлѣ) варилось мясо заколотаго ягненка—жертвы алтайскаго гостепріимства.

Въ юртѣ было очень неопрятно. На всѣхъ домашнихъ вещахъ лежалъ густой слой пыли и сажи. Отъ сырыхъ кожъ, лежавшихъ въ углу и отъ телятъ, привязанныхъ возлѣ дверей, шло сильное зловоніе. Садиться приходилось прямо на землю, на густой слой пыли. Чай подавался въ деревянныхъ чашкахъ —съ солью, молокомъ и талканомъ *). Чашки были настолько грязны, что съ трудомъ можно было узнать, что онѣ—деревянныя; передъ наполненіемъ чаемъ хозяйка вытирала ихъ полой своей верхней одежды,—но намъ, алтайскимъ скитальцамъ, видавшимъ и не такіе виды, это все было пустяки; намъ всего дороже было радушіе хозяина.

Вечеромъ собрались гости. Сарышпанъ настроилъ топшууръ **) и подъ его унылый аккомпаниментъ густой и гортанный голосъ сказителя наполнилъ внутренность юрты....

Пѣніе-сказаніе передъ умственнымъ взоромъ нашимъ воскресило былую жизнь Алтая.... Поэзія пастушеской жизни кочевника пахнула своимъ острымъ ароматомъ....

Алтайскій народъ раздѣлялся на роды (племена) и каждымъ родомъ управлялъ родоначальникъ, родовичъ по наслѣдству. Жили люди просто. Единственное имущество ихъ былъ скотъ, который давалъ имъ все необходимое—пищу и одежду, а единственное занятіе—іыргалъ ***). Не было ни орудій,

---

*) Талканъ-толокно изъ поджареныхъ ячменныхъ зеренъ.
**) Топшууръ-двухструнная балалайка.
***) Іыргалъ-пиръ.

ни денегъ, въ нихъ и нужды не было. Даже простой мѣновой торговли не существовало. Правда, самымъ необходимымъ люди „обмѣнивались“, но это была—не продажа и покупка, даже и не простая мѣна, а дружескій подарокъ и отдарокъ; напр., у Челуша не было лошади—ему ее дарилъ Соотъ; Челушъ же Соота обязанъ былъ отдарить чѣмъ-нибудь равноцѣннымъ.

Каждая семья въ общинѣ имѣла свою собственность, но эта „собственность“ въ сущности была частью общаго родового имѣнія. Если, напр., у Челуша не было лошади, а ему нужно было куда-нибудь съѣздить, то, не спрашивая хозяина, онъ ловилъ чужую лошадь, и, съѣздивъ по дѣлу, опять отпускалъ въ табунъ хозяина. Никто ему не возражалъ: это было въ порядкѣ вещей.

Миръ и дружба въ родовой общинѣ были образцовы: между членами общины не было: вражды, зависти, обмана, воровства, оскорбленій и т. п. Нарушителю мира грозило изгнаніе изъ рода и скитальчество. Словомъ, никто никому не долженъ былъ дѣлать никакого зла. А споры и недоразумѣнія, возникавшіе невольно, по слабости человѣческой, на родовомъ судѣ оканчивались примиреніемъ. Стремленіе поддержать миръ въ общинѣ было настолько сильно, что всѣ проступки, въ томъ числѣ и уголовные, носили характеръ исковой. За всякій проступокъ, даже и за убійство, наказаніе было одно—штрафъ. Въ мирную среду рода телѣсныя наказанія грозили внести раздоръ и разрушеніе родовой общины, вотъ почему и избѣгалъ ихъ родовой судъ. Но зато ненависть къ иноплеменникамъ выростала до чудовищныхъ размѣровъ—до размѣровъ кровавой родовой мести. Месть эта могла тянуться до безконечности—изъ поколѣнія въ поколѣніе, по завѣщанію.

Вся домашняя работа въ семьѣ возложена была на плечи людей иного рода: на рабовъ, плѣнниковъ и женъ, а члены рода, даже сестры, дочери и сыновья хозяина, должны были ѣздить по гостямъ, пить араку *) и проводить время въ развлеченіи....

Время ушло далеко за полночь, слушатели стали дремать, а печальный голосъ кайчи **), подъ аккомпаниментъ тошшуура, все еще рокоталъ въ юртѣ.

Но вотъ пѣсня-сказка круто оборвалась.... Юрта погрузилась въ глубокій сонъ.

---

*) Арака—водка изъ молока.
**) Кайчи—сказочникъ.

На слѣдующій день выѣхали очень рано на родовой юунъ *), имѣвшій быть отъ мѣста ночлега въ 20 верстахъ. Трава была мокра отъ росы. Пахло острымъ запахомъ дикихъ, степныхъ цвѣтовъ. Воздухъ былъ прозраченъ. Вся природа, казалось, улыбалась тихому и свѣжему утру. И кони бѣжали бодро. Не замѣтили, какъ проѣхали станцію. Вотъ и ставка зайсановъ **), гдѣ долженъ былъ происходить юунъ.

На обширной площади, возлѣ рѣчки Ябаганки, тамъ и сямъ чернѣлись группы людей, а дальше по степи паслись спутанныя лошади. Въ центрѣ виднѣлись 3-4 юрты: это были квартиры пріѣхавшихъ на юунъ зайсановъ.

Подъѣхали. Остановились. Вышли люди зайсановъ и почтительно сняли насъ съ лошадей. Старшимъ зайсаномъ Малчишемъ мы любезно были приглашены въ его юрту. Юрта была новая, сдѣланная спеціально для квартиры зайсана. По азіатскому обычаю, поджавъ подъ себя ноги, въ переднемъ углу на бѣлой кочмѣ важно возсѣдалъ Малчишъ. Послѣ обычнаго обмѣна привѣтствій, онъ указалъ намъ мѣсто возлѣ себя. Передъ зайсаномъ на землѣ стояла чашка съ соленымъ чаемъ и другая—съ сыромъ и вареной сметаной; такое-же угощеніе предложили и намъ.

Каждый вновь прибывшій алтаецъ долженъ былъ явиться въ юрту зайсана и привѣтствовать его,—таковъ былъ горный этикетъ.

Церемонія привѣтствія состояла въ слѣдующемъ: прибывшій входилъ въ юрту и, молча, неподалеку отъ двери опускался на одно колѣно; молчаніе продолжалось 2-3 минуты; послѣ этого пріѣзжій и зайсанъ медленно и важно, раскуривъ трубки, обмѣнивались ими, и только послѣ этого гость дерзалъ спросить зайсана:

—Въ добромъ-ли здоровьи вы находитесь?

—Какъ поживаютъ ваши дѣти?

—Здоровы-ли люди вашего аила *)?

—Здоровъ-ли вашъ скотъ?

Потомъ такихъ-же вопросовъ отъ зайсана удостоивался и самъ гость. Цѣлый день прошелъ въ этихъ церемоніяхъ. Наконецъ, звонъ сбруйныхъ серебряныхъ украшеній, возвѣщавшій пріѣздъ новыхъ членовъ уюна, прекратился только поздно вечеромъ.

*) Юунъ—собраніе.

**) Зайсанъ—родовой старшина.

***) Аилъ—поселокъ.

Къ ночи вся площадь, какъ на ярмаркѣ, была покрыта копошившимися людями. Завтра долженъ былъ начаться алтайскій горный судъ, а также взысканіе подати и родовыхъ повинностей.

Настало утро, но, къ нашему удивленію, алтайцы стали готовиться не къ суду, а къ пиру—къ алтайскому грандіозному родовому пиру.

На покупку мяса и др. провизіи былъ сдѣланъ денежный раскладъ, а арака въ достаточномъ количествѣ была привезена каждымъ пріѣзжимъ. Нѣсколько коровъ и овецъ пали жертвами этого пира.

Засуетились молодые тіпты *): тутъ рѣзали барана, тамъ возили дрова, въ третьемъ мѣстѣ наполняли кишки кровью, а въ четвертомъ—разводили костеръ,—вездѣ была суета.

Наконецъ, мясо сварилось и пиръ начался. Гости разсыпались по полю и разсѣялись группами. Тіпты по группамъ разнесли мясо въ деревянныхъ тэпши **) и араку—въ тажурахъ ***). Гулъ отъ людскихъ голосовъ затихъ на время, пирующіе занялись ѣдой, отъ жеванія пищи стоялъ непріятный шумъ въ воздухѣ.

Но вотъ обѣдъ приблизился къ концу. Гулъ отъ голосовъ сдѣлался гуще; послышалась алтайская пѣсня, состоящая изъ двухъ нотъ. Отъ выпитой араки головы отуманились, лица раскраснѣлись. Тамъ и тутъ уже лежали неподвижныя тѣла. Кое-гдѣ шла дикая алтайская перебранка, а въ иныхъ мѣстахъ совершалась церемонія чествованія другъ друга. Эта церемонія состоитъ въ слѣдующимъ: инородецъ, держа въ рукѣ чашку съ аракой, становится передъ тѣмъ, кого хочетъ чествовать и поетъ пѣсню, въ которой прославляетъ доблести его. Другой, молча, выслушиваетъ пѣсню и выпиваетъ поднесенную чару. Потомъ роли мѣняются: чествуемый дѣлается чествователемъ и наоборотъ.

Вечеромъ во многихъ мѣстахъ можно было наблюдать драку; въ иныхъ мѣстахъ дрались прямо-таки группами. Поистинѣ это былъ большой пиръ дикарей....

Этотъ дикій разгулъ продолжался три дня. Но всему бываетъ конецъ, наступилъ конецъ и этому пиру. Сдѣлали подсчетъ пропитымъ деньгамъ и оказалось, что пропито было

---

*) Тіптъ—парень.

**) Тэпши—блюдо.

***) Тажауръ—кожаный мѣшокъ для араки.

больше, чѣмъ собрано по раскладу. Перерасходъ рѣшено было отнести за счетъ мірского капитала. Такъ закончился оригинальный родовой пиръ.

—Зачѣмъ-же юунъ начинаете пиромъ, а не прямо приступаете къ дѣлу?—спросили мы зайсана Малчиша.

—Алтайскій народъ—тихій, степенный народъ; онъ никогда сразу не приступаетъ къ дѣлу, а медленно, обдуманно! —отвѣтилъ намъ Малчишъ.

Судя по обычаю алтайцевъ, всякое дѣло нужно дѣлать неспѣша, съ подготовкой. Къ тому же, родовой пиръ былъ освященный вѣками обычай, нарушеніе котораго казалось дѣломъ незаконнымъ.

Только на четвертый день юуна начался судъ. Подъ большой лиственицей была раскинута бѣлая кочма; на ней величественно возсѣлъ зайсанъ Малчишъ, а рядомъ съ нимъ —другіе два зайсана. Здѣсь-же помѣстился цѣлый кругъ демичей *) и якшиларовъ **). Проситель и отвѣтчикъ несмѣло приближались къ этому ареопагу, садились на одно колѣно и, черезъ минутную паузу, не спѣша, разсказывали о своемъ дѣлѣ.

Первымъ разбиралось дѣло алтайки-вдовы Сааты. Послѣ смерти мужа, у нея осталось двое дѣтей, нѣсколько головъ скота и домашній скарбъ. Братья и дяди мужа не только отобрали дѣтей, но и лишили ее скота и домашняго скарба. Она обречена теперь на нищету. Просила возвратить ей дѣтей и имѣніе.

Что-же судъ сдѣлалъ? Онъ постановилъ дѣтей и имѣніе ей не возвращать, такъ какъ дѣти и имѣніе принадлежатъ роду, а для рода она чужой человѣкъ.

Характерно и другое рѣшеніе. Алтаецъ Саракъ далъ алтайцу же Чирику подъ съѣздъ (на прокатъ) лошадь, стоимостью 20 рублей, но Чирикъ потерялъ ее. Саракъ и просилъ съ Чирика взыскать 20 рублей денегъ—стоимость потерянной лошади.

Судъ пришелъ въ негодованіе отъ просьбы Сарака: среди людей одного рода развѣ должны быть такія отношенія? Судъ, хотя и постановилъ взыскать съ Чирика въ пользу Сарака 20 рублей, но платежу придалъ видъ отдарка. Обычай этотъ называется „изю-этъ“ (горячее мясо) и состоитъ въ слѣдующемъ: отвѣтчикъ истца и родственниковъ его приглашаетъ къ себѣ въ гости и устраиваетъ для нихъ пиръ, который

---

*) Демича-помощникъ зайсана.

**) Якшилары—хорошіе, почетные люди.

по расходу стоитъ взыскиваемой суммы. По исполненіи этого обычая, дѣло считается оконченнымъ.

Дѣлъ, рѣшенныхъ аналогично, было очень много, но всего болѣе изумило насъ слѣдующее рѣшеніе суда. Вчера въ полѣ былъ найденъ трупъ убитаго алтайца; въ убійствѣ подозрѣвался его сосѣдъ. Родственники убитаго просили разрѣшенія обратиться къ гражданскому суду для разслѣдованія этого дѣла и преданія виновнаго въ руки этого суда; дѣйствительно, дѣло грозило уйти изъ рукъ родового суда, но родовой судъ горячо воспротивился этой просьбѣ. Рѣшено было это дѣло отъ гражданскаго суда скрыть, а виновнаго, если докажется его виновность, наказать „сельбикомъ". Сельбикъ—это большой штрафъ съ виновнаго въ пользу семьи пострадавшаго. Когда виновный бываетъ не въ состояніи уплатить его, то производится денежный раскладъ на членовъ рода и, такимъ образомъ, составляется сельбикъ.

Мой спутникъ Иванъ Яковлевичъ цѣлый день находился въ какомъ-то восторженномъ состояніи, точно увидѣлъ что то новое, что раньше не было извѣстно ему. Вечеромъ, придя въ свою юрту, онъ воскликнулъ:

—Сегодня на одинъ день воскресъ старый, добрый Алтай, о которомъ разсказалъ намъ Сарышпанъ!

—Въ самомъ дѣлѣ,—думалъ я,—къ чему этотъ „родовой" судъ, когда уже нѣтъ самого родового быта? Не ради-ли только одного дорогого воспоминанія держится онъ? Но нѣтъ! Это не только просто воспоминаніе, но и великій актъ борьбы умирающаго организма со смертью!

Стало грустно мнѣ... Гдѣ-то на горѣ жалобно прокричала ночная, одинокая птица... Костеръ въ юртѣ сталъ потухать...

М. Семеновъ-Горнякъ.

Мелочи изъ жизни стариннаго Амурскаго духовенства.

Съ самаго момента присоединенія Амурскаго края къ Россіи въ 1854 году, вмѣстѣ съ первыми поселенцами появились ихъ духовные пастыри.

Большинство изъ нихъ мирно почило въ Амурской землѣ, а оставшіеся въ живыхъ уже люди новыхъ вѣяній, новаго уклада жизни.

Среди прежнихъ пастырей иные были дѣйствительными служителями той идеи, носителями которой являлись, а другіе, наоборотъ, пріобрѣли далеко нелестную извѣстность.

Много ходитъ на Амурѣ разсказовъ анекдотическаго свойства объ этихъ пастыряхъ, и нужно отдать справедливость, что народная молва чутко разбирается въ этихъ анекдотическихъ „попахъ“ и „батюшкахъ“.

Можетъ быть, эти разсказы и невполнѣ правдивы, но настолько характерны, что ясно обрисовываютъ дѣятельность первыхъ проповѣдниковъ слова Божія въ нашей далекой окраинѣ. Я привожу здѣсь нѣсколько такихъ разсказовъ, наиболѣе характерныхъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію фактовъ, за достовѣрность которыхъ ручаются разсказчики, я долженъ познакомить, хоть кратко, съ тѣми условіями, при которыхъ приходилось служить первому духовенству края.

Приходъ такого Амурскаго священника въ пространственномъ отношеніи составлялъ цѣлое государство. Батюшкины владѣнія простирались не только на сотни, а на цѣлую тысячу верстъ. Путей сообщенія не только удобныхъ, а часто даже и никакихъ, не было. Лѣтомъ болота, лѣса, разливающіяся рѣки и рѣчки заграждали путь, а зимой покрытые глубокимъ снѣгомъ длинные переѣзды, безъ всякаго жилья на нѣсколько десятковъ верстъ, дѣлали всякое путешествіе весьма затруднительнымъ и довольно опаснымъ. Способы передвиженія были весьма примитивны и первобытны: на лошадяхъ приходи-

лось ѣздить верхомъ или дѣлать большіе переходы по образу пѣшаго хожденія, а въ низовьяхъ Амура—ѣздить на собакахъ или по тайгѣ на оленяхъ.

Несмотря на нетребовательность и привычность Амурскаго священника къ такимъ способамъ передвиженія, все таки въ глухіе районы своего прихода онъ попадалъ довольно рѣдко, разъ въ годъ или даже въ два года разъ. Требы совершались не своевременно; напримѣръ, ребенка крестить приходилось въ возрастѣ не нѣсколькихъ дней, а нѣсколькихъ мѣсяцевъ и даже до года и двухъ. Разсказываютъ, что во время крещенья младенецъ иногда хваталъ, и довольно крѣпко, священника за бороду, кричалъ „мама“ или „баба“, а то, схвативъ рученкой за свѣчку, обжигалъ пальцы.

Отпѣванья часто совершались не надъ покойникомъ, а на могилѣ, спустя то же нѣсколько мѣсяцевъ послѣ похоронъ. Вѣнчаніе также задерживалось и новобрачные часто по году и болѣе состояли въ сожительствѣ. Все это происходило не отъ нежеланія поступать по правиламъ православной церкви, а къ силу неблагопріятныхъ мѣстныхъ условій и непреодолимыхъ препятствій.

Такія своеобразныя условія выработали особый типъ Амурскаго священника, далекаго отъ всякаго формализма и легко прощавшаго невольныя прегрѣшенія своей паствы. Умный сердечный и простодушный пастырь легко завоевывалъ себѣ всеобщее уваженіе и пользовался доброй славой, которая бѣжала далеко впереди его и создавала вѣрныхъ сыновъ православной церкви, правда, съ минусомъ въ отношеніи обрядностей.

Про такого добраго пастыря существуетъ слѣдующій разсказъ.

Одна парочка отдаленной казачьей станицы порѣшила вступить въ законный бракъ. Все было приготовлено къ этому событію, начиная отъ выпивки и закуски, включительно до брачной постели. Молодымъ нужно было выѣхать въ ближайшую станицу, гдѣ находилась церковь и куда ожидался къ этому времени батюшка.

А путь предстоялъ не близкій, да кромѣ того, на пути лежала рѣка, въ то время еще скованная льдомъ, но уже готовившаяся сбросить свои зимнія оковы. Но какъ ни торопились молодые люди, а весна дѣлала свое дѣло и весьма затрудняла ихъ передвиженіе.

Подъѣхали они къ рѣкѣ въ тотъ моментъ, когда уже начался ледоходъ и перебраться черезъ рѣчку было немыслимо.

Къ большей еще досадѣ, оказалось, что батюшка также пріѣхалъ къ рѣчкѣ, но съ другой стороны и тоже любовался весеннимъ ледоходомъ.

Рѣчка была не широкой, и начались взаимные переговоры о создавшемся положеніи.

Очевидно, вѣнчаніе нужно было отложить до болѣе благопріятнаго времени; но дѣло осложнялось тѣмъ, что молодежь съ нетерпѣніемъ ждали домой изъ подъ вѣнца; а батюшкѣ нужно было спѣшить по приходу, чтобы во-время поспѣть, куда слѣдовало, и задержаться для этой парочки на нѣсколько дней—было невозможно. Съ другой стороны, оставить молодыхъ безъ вѣнчанія было равносильно соглашенію на ихъ незаконное сожительство; вѣдь наивно было бы думать, чтобы молодые стали дожидаться благопріятнаго времени для вѣнчанія, а ихъ родственники отложили бы празднество и отказались выпить за счастливый бракъ.

Вопросъ казался неразрѣшимымъ, но догадливый батюшка, учтя всѣ эти обстоятельства, нашелъ весьма оригинальный выходъ изъ этого положенія, подсказанный ему несомнѣнно не изощреніемъ ума, а сердечнымъ отношеніемъ къ нуждамъ своей наивной паствы.

Служитель церкви, облачившись въ свое походное одѣяніе, предложилъ молодымъ приготовиться къ вѣнчанію по эту сторону рѣки, а самъ съ другой стороны сталъ производить вѣнчаніе. Прочелъ все, что надлежало въ этомъ случаѣ, и благословивъ молодыхъ, отпустилъ съ миромъ домой для узаконеннаго сожительства, обязавъ ихъ однако, при первой же возможности, явиться въ церковъ надѣть вѣнцы и обойти вокругъ аналоя. Обрадованные молодые спокойно вернулись домой и брачное торжество было отпраздновано по обычаю.

Конечно, съ формальной стороны священникъ былъ не правъ и, возможно, за свой поступокъ подлежалъ суду церковному, но съ точки зрѣнія мѣстнаго населенія онъ поступилъ совершенно правильно и, по сердечному влеченію, помогъ немощнымъ людямъ и уберегъ ихъ отъ вольнаго, но неизбѣжнаго грѣха.

Такъ могъ поступить только дѣйствительно добрый пастырь, который сомовольно взвалилъ себѣ на плечи грѣхъ своей паствы, а больше этой любви—никто имѣть не можетъ!

Про этого же священника ходитъ безконечное множество разсказовъ и всѣ они рискуютъ его, какъ человѣка въ высшей степени простого, любившаго народъ и разрѣшавшаго ихъ несложные вопросы съ великой душевной простотой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ глубокимъ пониманіемъ народной психологіи.

Его проповѣди, отличавшіяся необыкновенной простотой, шли прямо къ сердцу прохожанъ и часто можно было наблюдать пастыря, плачущаго во время своей безыскусной проповѣди и вмѣстѣ съ нимъ плачущихъ прихожанъ. Это было очень наивно, но непосредственно и трогательно....

Его простецкія объясненія различныхъ обстоятельствъ теперь могутъ вызвать лишь улыбку, а въ свое время цѣпились, какъ остроумныя изреченія и передавались другъ другу въ назиданіе; нерѣдко ихъ можно услышать и въ настоящее время. Особенно частенько вспоминаютъ на Амурѣ слѣдующій курьезный случай.

Всѣмъ извѣстно, насколько назойливы простолюдины въ угощеніи водкой.

На всякомъ пиршествѣ гостю, а священнику въ особенности, нѣтъ никакой возможности отказаться отъ предлагаемаго стаканчика водки.

А за первымъ стаканчикомъ слѣдуетъ второй, третій и т. д. до „положенія ризъ".

Допустивъ выпить одинъ стаканчикъ, отъ послѣдующихъ отказаться въ высшей степени трудно, иначе обидишь радушныхъ хозяевъ.

Такой случай имѣлъ мѣсто и съ нашимъ батюшкой.

Онъ, выпивъ опредѣленное количество стаканчиковъ, почувствовалъ, что пора остановиться, но предложенія и даже приставанія шли своимъ чередомъ.

Тогда онъ, отстранивъ подносимый хозяйкой стаканчикъ, задаетъ присутствующимъ такой вопросъ:

— А знаете ли вы, православные, зачѣмъ священнику положены широкіе рукава у рясы?

Собесѣдники дали различные отвѣты. Кто говорилъ, что это, молъ, у нихъ форма такая; другіе, что это по сану положено и т. п.

— Нѣтъ,—говоритъ батюшка,—а вотъ для чего. Видите, я одинъ стаканчикъ взялъ—ничего! Другой стаканчикъ взялъ —опять ничего! А вотъ за третьимъ то потянулся, и видите, рукавомъ то рясы за уголъ стола и зацѣпилъ. Это значитъ, самъ Богъ мнѣ указываетъ: смотри, попъ, надѣлъ рясу, такъ не упивайся вином ъ—грѣхъ! Видите, православные, какъ Богъ указываетъ человѣку пути его, да только вотъ мы не всегда это примѣчаемъ.

Такое простое объясненіе показалось всѣмъ вполнѣ удовлетворительнымъ и къ батюшкѣ больше со стаканчиками не приставали.

Сама же бесѣда, естественно, направилась въ другую сторону, и стали задаваться различные религіозные и обрядовые вопросы и всѣ они разъяснялись такъ же просто наивно, но понятно для нетребовательныхъ собесѣдниковъ.

Вспоминается мнѣ случай и изъ собственнаго дѣтства, связанный съ личностью этого священника. По существу случай пустой, но во мнѣ оставившій неизгладимый слѣдъ, и вызывающій до сихъ поръ добродушную улыбку.

Происходя изъ весьма религіозной семьи, я рано сталъ выполнять всѣ христіанскія обязанности и впервые говѣлъ лѣтъ 6—7, не старше.

Простоять церковную службу мнѣ было въ привычку и не составляло большого труда, но чтеніе часовъ или „правила“ послѣ вечерни было крайне утомительно и очень скучно.

Стою однажды я послѣ вечерни вблизи самаго алтаря и слушаю безконечное и совершенно мнѣ непонятное правило и, должно быть, изображаю собой очень скучный видъ.

Священникъ, выйдя изъ алтаря, посмотрѣлъ на молящихся говѣльщиковъ, замѣтилъ, видно, и мой тоскливый взглядъ.

Обратившись ко мнѣ, онъ громко сказалъ:

— А ты, мальчикъ, иди домой и скажи матери, что тебя батюшка отпустилъ.

Я, конечно, не сталъ ожидать вторичнаго предложенія, а поспѣшилъ домой, гдѣ меня ждало много, по моему тогдашнему представленію, очень важныхъ и неотложныхъ дѣлъ....

Этотъ случай я помню ясно до сихъ поръ, хотя уже прошло съ тѣхъ поръ 30 лѣтъ, и онъ всегда у меня вызываетъ умиленіе къ доброму пастырю, понявшему мою младенческую немощность и снисшедшему ко мнѣ и къ моимъ маленькимъ интересамъ.

Въ данномъ случаѣ онъ не помирволилъ моей лѣности, а просто не хотѣлъ, чтобы церковная служба оставила во мнѣ непріятный осадокъ скуки и утомленія и имѣла бы характеръ какого-то насилія надъ моей личностью.

Поглумиться надъ священникомъ и разсказать про него скабрезный анекдотъ у насъ дѣло обычное, и, право, трудно сказать, кто виноватъ въ этомъ? Духовенство ли, или само общество?

Лѣтъ 20—25 тому назадъ у насъ по городу ходила рукописная поэма В., въ которой описывалась городская жизнь и мѣстному духовенству удѣлялись слѣдующія строки:

Противъ стараго собора,
Въ домѣ пастыря церквей

Говорятъ: пріѣдетъ скоро
Областной архіерей.
Но пока заботъ не зная,
Православія столпы,
Слоемъ жира обростая,
Дремлютъ мѣстные попы.

Въ приведенномъ стихотвореніи отмѣчено отсутствіе архіерея и связанная съ этимъ праздная, бездѣльная жизнь епархіальнаго духовенства. Аттестація не лестна, хотя и довольно добродушная.

Но стихи того же поэта (Л. В.), посвященные памяти дѣйствительно уважаемаго въ городѣ и области протоіерея о. Александра Сизаго, перваго священника, прибывшаго на Амуръ съ экспедиціей гр. Муравьева, дышатъ такимъ неподкупнымъ чувствомъ, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести ихъ здѣсь полностью.

Безискусственны рѣчи простыя твои,
Но видны въ нихъ: наглядность примѣра,
Неподдѣльное чувство горячей любви
И въ Творца безпредѣльная вѣра.
Молодой, полный силъ, ты пріѣхалъ сюда
Проповѣдывать вѣчное слово,
И положено много тобою труда
Въ этомъ краѣ во имя Христово.
Изъ Амурскихъ героевъ, что велъ Муравьевъ,
Проводилъ ты ужъ многихъ въ могилы.
И тѣлесный недугъ и десятки годовъ
Растатали желѣзныя силы.
На покоѣ теперь доживая свой вѣкъ,
Вспоминаешь ты прежнія драмы,
Какъ боролся съ природой въ тайгѣ человѣкъ,
Воздвигалися первые храмы.
И глядишь, умиляясь открытой душой,
Орошаясь невольно слезами,
Какъ надъ городомъ блещутъ вечерней зарей
Купола золотыми крестами.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Е. Гонсовичъ.

Дѣло о плѣнникѣ Людвигѣ Синицкомъ.

Господинъ солдатъ Ѳедоръ Никифоровичъ!

Въ письмѣ съ съѣзжаго двора за рукою твоею въ приказную палату къ лантрату Ивану Ракитину писано объ отвѣтствованіи на письмѣ марта-де въ 16 день: полякъ Подстолье Людвигъ подъ карауломъ, въ тюрьмѣ, въ кандалахъ и на цѣпи держится-ль, и держать его подъ такимъ карауломъ надлежало-ль, чернилъ и бумаги-де ему не дается, и градскихъ людей допускать къ нему не велѣно—для чего и по какому великаго государя указу, и за что такожъ оной Подстолье лантрата-де измѣнникомъ называлъ-ли, и государево слово на него-де, лантрата, сказывалъ-ли, и въ томъ-де онъ допрашиванъ-ли, и что-де показалъ, а буде-де не допрашиванъ—для чего.

И по вышеписанному отъ васъ присланному письму о держаніи подъ карауломъ поляка Людвига Синицкаго въ приказѣ справливанось, а по справкѣ съ дѣлами, какъ онъ, Людвигъ, держится подъ карауломъ, и въ которомъ году, по грамотѣ великаго государя, присланъ онъ, Людвигъ, въ Якутскъ, и какъ велѣно его подъ карауломъ держать, о томъ предлагается при семъ вѣдѣніе.

Вѣдѣніе.

Противъ присланнаго письма съ съѣзжаго двора лейбъ-гвардіи отъ солдата Ѳедора Боркова, которое было прислано въ Якутску въ приказной палатѣ лантрату Ивану Ракитину марта 15-го дня 720-го году.

По справкѣ въ Якутску въ приказной палатѣ въ разрядномъ столѣ въ приказной запискѣ написано:

Въ нынѣшнемъ 720-мъ году февраля въ 17-й день солдатъ Алексѣй Матигоровъ сказалъ: сего-де числа будучи на квартирѣ лейбъ-гвардіи солдата господина Ѳедора Боркова за лантратомъ Иваномъ Ракитинымъ, и велѣлъ-де ему, Матигорову, онъ, лантратъ, за многую противность свесть въ городъ въ городовую караульню плѣнника Людвига Синицкаго, и онъ де, Матигоровъ, его, Людвига, въ городъ въ городовую кара-

улью свелъ и отдалъ за караулъ караульному пятидесятнику Конону Чирикову.

И того-жъ числа оной плѣнникъ Людвигъ Синицкой изъ подъ караулу приведенъ въ приказную палату къ судейскому столу къ отвѣтствію и лантратъ его, Людвига, велѣлъ свесть въ тюрьму, и онъ, Людвигъ, сталъ быть противенъ, и впротивности своей его, лантрата, въ судейскомъ столѣ билъ по головѣ и по лицу кулачьемъ, и бранилъ его матерно, и послѣ бою онъ, Людвигъ, сказалъ за нимъ, лантратомъ, государево слово. При оной противности и бою въ приказной палатѣ были и руками своими подписались Якутскіе жители: дворянинъ Петръ Колесовъ, дѣти боярскіе-Иванъ Атласовъ, Алексѣй Карташевъ, Илимской сынъ боярской Михайло Завьяловъ, таможенной надзиратель Иванъ Лялинъ, служилые люди—Никита Аргуновъ, Иванъ Пермяковъ, Иванъ Заринъ, Михайло Гладковъ, Никита Переваловъ, Иванъ Воробьевъ, Оедоръ Поповъ, Трофимъ Овечкинъ, Михайло Борисовъ, Оедоръ Жернаковъ, Семенъ Шараповъ, Дмитрій Лундонской, Алексѣй Степновъ, Яковъ Гробовъ, Степанъ Гуляевъ, Андрей Марамыгинъ, Алексѣй Стрекаловской, Иванъ Харитоновыхъ, Оедоръ Сургуцкой, Василій Поповъ, подъячіе—Иванъ Ляпуновъ, Григорій Потановыхъ, Данило Васильевъ, Оедоръ Степановъ, Дмитрій Босиковъ, Афонасій Романовъ, Иванъ Глазуновъ, Егоръ Путиловъ, цѣловальникъ Иванъ Дороѳѣевъ, канцелярскіе приставы—Осипъ Дерновъ, Иванъ Прянишниковъ, устюжанинъ Василій Шапошниковъ, москвичъ Иванъ Некрасовъ.

Въ то же время, у вышеописанной записки до подписыванья рукъ, лантратъ Иванъ Ракитинъ, вышедъ изъ судейскаго стола, велѣлъ на него, Людвига Синицкаго, наложить приставамъ на шею цѣпь, и на ноги желѣза и свесть подъ караулъ въ колодничей подъ клѣть безъ разспросу, и послѣ того онъ, Людвигъ, не разспрашиванъ же, для того, что о разспросѣ на дѣлѣ лантратской помѣты нѣтъ.

И февраля въ 19 день сего-жъ 720-го году о противности его, Людвиговой, и о бою его лантрата, и о сказанномъ государевѣ словѣ, и о держаніи подъ карауломъ писано въ отпискѣ изъ Якутска отъ лантрата Ивана Ракитина объ указѣ великаго государя въ Тобольскъ въ большую канцелярію губернатору Сибири князю Алексѣю Михайловичу Черкаскому.

Того жъ числа въ приказной палатѣ передъ лантратомъ Иваномъ Ракитинымъ явился служилой человѣкъ Алексѣй Степной, и явилъ два пакета съ письмами, и сказалъ: оные-де пакеты далъ ему Подстолья Людвиговъ человѣкъ Синиц-

каго, который живетъ у него на квартирѣ, а какъ-де его зовутъ, и отчества и прозванія его не знаетъ, и велѣлъ-де тѣ пакеты довесть до Илимскаго и отдать генералу Каниферу, и оныя-де письма, за которыми печатьми поданы, за тѣми-жъ, не распечатывая, принесъ въ приказную палату.

И вышеписанные пакеты съ письмами въ приказной палатѣ описаны и при свидѣтеляхъ осматриваны, и по осмотру оные пакеты за печатьми явились въ цѣлости. А въ оныхъ пакетахъ явились четыре письма, въ томъ числѣ два письма за печатями на сургучѣ, два письма безъ печатей.

И по свидѣтельству плѣнника швецкаго прапорщика Индрика, оныя два письма запечатанныя—одно письмо въ лицо писано рукою Людвига Синицкаго генералу Каниферу да при томъ-же письмѣ писано рукою капитана Лафурея, къ нему же генералу; другое письмо писано рукою его-жъ, капитана Лафурея, къ Юрью Гольцу въ Тобольскъ, да въ томъ-же его письмѣ положено, опричъ помянутыхъ четырехъ писемъ, писано его-жъ Синицкаго рукою по польски къ нему-жъ, Юрью Гольцу.

Два письма незапечатанныя, по его-жъ прапорщику свидѣтельству: одно письмо—въ лицо писано рукою капитана Лафурея по французски лейтенанту Паули въ Илимскъ; другое письмо писано рукою Людвига Синицкаго по польски къ нему-жъ, Паули ,въ Илимскъ.

Въ маломъ пакетѣ явились два письма за печатьми на сургучѣ, по его-жъ прапорщику свидѣтельству: первое письмо—въ лицо писано рукою плѣнника саксонца Григорья Больцверта по нѣмецки въ Тобольскъ до брата его плѣнника адъютанта Парферста; другое письмо писано его-жъ саксонца Больцверта рукою по нѣмецки-же въ Илимскъ генералу Каниферу.

А о чемъ оныя вышеписанныя письма писаны—съ тѣхъ рукъ и съ языковъ на русской языкъ не перевожено.

И оныя письма и пакеты по описи приняты въ приказной палатѣ.

А по справкѣ въ Якутску въ приказѣ въ разрядномъ столѣ: въ прошломъ 712-мъ году мая въ 24-мъ числѣ, по грамотѣ великаго государя, присланы съ Москвы изъ Сибирскаго приказа въ ссылку Подстолье Людвигъ Синицкой въ Якутскъ да волонтеръ Михайло Влоховичъ для отсылки на Камчатку. А въ оной присланной великаго государя грамотѣ за приписью дьяка Ивана Чевелева написано: въ его-де великаго государя указахъ въ Сибирской приказъ изъ преображенскаго приказу писано: по именному-де его, великаго государя, указу велѣно

взятыхъ въ Быховѣ штурмомъ послать въ Сибирь: Подстолья Людвига Синицкаго въ Якутской да волонтера Михайла Влоховича на Камчатку до его, великаго государя, указу и смотрѣть за ними накрѣпко, чтоб они какими вымыслы изъ реченныхъ городовъ не ушли, и съ посторонними ни съ кѣмъ по русски и по нѣмецки ни о чемъ не говорили, и писемъ никакихъ не писали, и никуды ни о чемъ ни съ кѣмъ не посылали, и словесно ни съ кѣмъ не пересылались-бы, и чернилъ и бумаги при нихъ отнюдь не было, и въ службы ихъ ни въ какія не писать и никуды не посылать.

А по полученіи оной великаго государя грамоты, велѣно о охраненіи тѣхъ колодниковъ и о всемъ чинить противъ вышеписаннаго именного великаго государя указу подъ опасеніемъ великимъ и держать ихъ за крѣпкими караулы.

II февраля 19-го числа тогожъ 720 го году въ держаніи его, Людвига Синицкаго, подъ карауломъ данъ изъ приказной палаты съ вышеписанной великаго государя грамоты списокъ караульному пятидесятнику Конону Чирикову съ росписко̀ю, для смотрѣнія надъ нимъ, Людвигомъ Синицкимъ, подъ карауломъ и чтоб ему, Конону, такожъ и другимъ очереднымъ пятидесятникамъ другъ другу отдавать оной списокъ съ росписко̀ю для того, чтоб его, Людвига, подъ карауломъ держать и во всемъ беречь противъ вышеписанной великаго государя грамоты.

II февраля въ 21-й день въ приказную палату Людвиговъ человѣкъ Синицкаго, который у него, Людвига, живетъ на квартирѣ, сысканъ и допрашиванъ, а въ допросѣ сказался: зовутъ-де его Якимомъ Григорьевъ сынъ Рѣшетковъ и въ присылкѣ-де онъ изъ Тобольска въ Якутскъ съ отцомъ своимъ и сего-жъ 720-го году назадъ тому недѣль съ шесть взялъ-де его Подстолье Людвигъ Синицкой къ себѣ на квартиру для леченія ножной его скорби и для пропитанія за нищетой его держалъ онъ, Подстолье, его, Якима, у себя и сего-жъ февраля въ 19-мъ числѣ приходилъ повечеру служилой человѣкъ Алексѣй Степной и того-жъ-де вечера при немъ, Алексѣѣ, написавъ онъ, Подстолье, да капитанъ Лафурей письма и, запечатавъ въ пакетѣ, отдалъ того-жъ времени ему, Алексѣю, при немъ, Якимѣ, а у отдачи писемъ на словахъ никакого приказу отъ нихъ, Подстолье и Лафурея, къ нему, Алексѣю, не было и никакихъ писемъ онъ, Якимъ, у Подстолья и у Лафурея не имывалъ и февраля въ 19-мъ числѣ въ городъ не припашивалъ и Алексѣю Степному не отдавывалъ, а приходилъ-де онъ, Якимъ, въ городъ того числа въ вечернее вре-

мя и приносилъ къ нему, Подстолью, ѣсть, а его-де, Степнова, въ городу не видалъ-же.

И противъ вышеписаннаго допросу въ отдачѣ вышеписанныхъ писемъ Алексѣю Степнову Подстолье Людвигъ Синицкой не допрашиванъ за тѣмъ, что на дѣлѣ лантратской помѣты нѣтъ, и по нынѣ сидитъ подъ карауломъ, а Алексѣй Степновъ не допрашиванъ-же для того, что до вышеписаннаго Якимова разспроса посланъ изъ Якутска февраля въ 19-мъ числѣ въ Тобольскъ съ отписками. . . . . .

Сообщилъ Кузнецовъ-Красноярскій.

199748

Заговоръ отъ лихорадки.

Святой угодникъ Исай, епископъ Ростовскій, чудотворецъ, грядущій въ міръ увидѣлъ огненный столбъ; изъ подъ этого столба идутъ семь дѣвъ простоволосыхъ, видѣніемъ зѣло страшныхъ: 1-ая черная, 2-я красная, 3-я зеленая, 4-я водяная, 5-я желтая, 6-я огневая, 7-я аки левъ рыкаетъ на человѣки. Вопроси святой Исай, епископъ Ростовскій:

— Что вы за дѣвы?

Окаянницы отвѣща:

— Мы дщери Ирода; мать наша Окукера учила насъ мучить родъ православный.

Рѣче св. Исай ко святымъ архангеламъ Михаилу и Гавріилу:

— Возмите вы, архангелы, желѣзный прутъ и бейте сихъ проклятыхъ дѣвокъ и давайте имъ по 3000 разъ и бейте на каждый день, часъ и минуту по чреву поганому и по хребту гнилому, чтобы они ничѣмъ не могли вредить роду православному.

И рече Исай:

— Прогоняю васъ, Иродовыхъ дѣвокъ, отъ раба Божія №№ четырьмя евангелистами Лукой, Маркомъ, Матвѣемъ и Иваномъ, по сей молитвѣ и словамъ; заклинаю и прогоняю вмѣсто грому, вмѣсто молніи, вмѣсто честного животворящаго креста Господня.

Заговоръ этотъ пишется на бумажкѣ, тщательно свертывается, завертывается тряпкой, зашивается и носится вмѣстѣ съ крестомъ. въ качестѣ предохранительнаго средства отъ лихорадки.

Заговоръ этотъ сообщенъ мнѣ секретаремъ Иркутскихъ общеобразовательныхъ курсовъ М. Н. Борисовымъ.

М. Овчинниковъ.

Иркутская Городская Центральная Библиотека Ленный Кардаст.

Отъ редактора-издателя

„Сибирскаго Архива".

Въ виду назначенія меня директоромъ Иркутскаго учительскаго института, изданіе „Сибирскаго Архива" переносится въ г. Иркутскъ.

А. Линьковъ.

28 мая 1916 года.